

- [Роберт Говард](#)
 - [1. ЧЕРЕП НА СКАЛЕ](#)
 - [2. ПРИ СВЕТЕ ОГНЕННЫХ КРИСТАЛЛОВ](#)
 - [3. НАРОД, ПИТАЕМЫЙ ВРАЖДОЙ](#)
 - [4. ЗАПАХ ЧЕРНОГО ЛОТОСА](#)
 - [5. ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ](#)
 - [6. ГЛАЗА ТАСКЕЛЫ](#)
 - [7. ТОТ, КТО ПРИХОДИТ ИЗ ТЬМЫ](#)
-

Роберт Говард

Алые когти

Вернувшись в гиборийские земли, Конан снова подался в наемники, но армия, в которой он служил, была разгромлена в южной Стигии. Киммериец пересек саванну, вышел к побережью и присоединился к пиратам с островов Бараха. Еще раз имя Амра-Лев прогремело по всем портовым городам. Корабль его пошел на дно, и варвар вступил в Вольницу под начало некоего Заралло. Отряд этот располагался в пограничном городке Сукмет, и жизнь там была, надо сказать, невыносимо скучной...

1. ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Всадница остановила измученного коня. Тот расставил ноги и низко опустил голову, словно сбруя из красного сафьяна с золотыми украшениями была для него непомерной тяжестью. Всадница привязала коня к ветви невысокого дерева, покинула седло и огляделась.

Местечко было довольно мрачное. Деревья-великаны гляделись в озерко, в котором она недавно напоила коня. Их вершины сливались в сплошную зеленую гущу. Всадница пожала плечами и в сердцах выругалась.

Это была молодая женщина, рослая, статная, с высокой грудью. Короткие штаны, подпоясанные шелковым кушаком, сапоги из тонко выделанной кожи, шелковая блузка с широким воротником и пышными рукавами составляли ее костюм. На одном боку висел прямой обоюдоострый меч, на другом — длинный кинжал. Ее золотистые волосы, остриженные до плеч, были перехвачены атласной лентой.

На фоне мрачного первобытного леса она казалась чужеродным явлением. Куда легче было бы представить ее возле корабельной мачты, следящей за полетом чаек среди перистых облаков. Недаром глаза ее были цвета морской волны — о подвигах Валерии из Красного Братства распевали песни и баллады в любой матросской компании.

Она попыталась разглядеть небо сквозь кроны деревьев, но поняла, что это бесполезно.

Оставив коня на привязи, она двинулась в восточном направлении, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы не заблудиться. Тишина леса угнетала ее. Птицы не пели в вершинах, звери не шуршали в кустах. Долгий путь она проделала в этом всеобъемлющем безмолвии, нарушаемом лишь стуком копыт.

Жажду она утолила у озера, но чувствовала страшный голод и решила поискать те самые плоды, которые служили ей пищей с тех пор, как кончились запасы во выюках.

Она увидела перед собой обломки черных камней, поднимающиеся вверх — нечто вроде разрушенного утеса. Вершина его терялась среди ветвей. Может быть, решила она, эта вершина поднимается над лесом и с нее можно будет осмотреться — если, конечно, в мире вообще есть что-нибудь кроме бесконечной чащи.

Узкий уступ образовывал естественную тропинку, ведущую вверх по

крутому склону. Поднявшись локтей на пятьдесят, она оказалась на уровне окруживших скалу верхушек деревьев. В просветах между ветвями голубело небо, потом хлынули солнечные лучи — и лес оказался у ее ног.

Широкая площадка, на которой она стояла, была увенчана каменным шпилем. Нога ее наткнулась на нечто, скрытое под ковром опавших листьев. Разбросав их, она увидела человеческий скелет. Опытным глазом пиратка заметила, что на костях нет никаких повреждений. Человек этот умер естественной смертью. Но почему ему для этого понадобилось забираться так высоко?

Она вскарабкалась на вершину шпиля и огляделась. Сквозь зеленую толщу нельзя было разглядеть земли, даже озерка, возле которого она оставила коня. Валерия обернулась на север, откуда лежал ее путь. И там колыхался зеленый океан, тянувшийся до узкой синей полосы. Эту горную цепь она пересекла много дней назад, чтобы углубиться в лесную бесконечность.

Такая же картина наблюдалась на востоке и западе, разве что гор не было. Но зато на юге... У нее захватило дух. Примерно в миle отсюда лес начал редеть и сменяться равниной, на которой росли кактусы. А в глубине этой равнины поднимались стены и башни города.

Черт побери, этого просто не могло быть! Не диво было бы увидеть другие постройки — например, хижины чернокожих, напоминающие ульи или выдолбленные в скалах поселки загадочной коричневой расы, которая, согласно легендам, населяла эти земли. Но найти в такой дали от цивилизации укрепленный город...

Вскоре пальцы ее устали цепляться за шпиль и она спустилась на площадку в полной растерянности. Долог был ее путь из лагеря наемников возле пограничного города Сукмет, затерявшегося среди травянистых саванн, где отчаянные бродяги, собравшиеся со всех земель, стерегли пределы Стигии от набегов со стороны Дарфара.

Наудачу она бежала в сторону, вовсе ей не знакомую. Вот и не могла теперь решить, что лучше — направиться прямо в этот город на равнине или, от греха, обойти его и продолжать свой одинокий путь.

Шум листьев внизу прервал ее раздумья. Она резко, по-кошачьи, обернулась и схватилась за меч, но вдруг застыла при виде стоящего перед ней человека.

Это был почти великан, и могучие мышцы перекатывались под его бронзовой от загара кожей. Он был одет в такой же костюм, что и она, только вместо кушака носил широкий кожаный пояс, отягощенный огромным мечом и тесаком.

— Конан-киммериец! — воскликнула молодая женщина. — Какого черта ты плетешься по моим следам?

Великан улыбнулся и его суровые голубые глаза приобрели выражение, понятное всякой женщине.

— А то ты не знаешь? — засмеялся он. — Разве не полюбил я тебя с первого взгляда?

— Мой жеребец не смог бы выразиться яснее, — сказала она с презрением. — Но не ожидала я встретить тебя в такой дали от винных бочек и кружек Сукмета. Ты что, поехал за мной из лагеря Заралло или тебя попросту выгнали за мелкие кражи?

— Ты же знаешь, что нет в отряде Заралло таких отчаянных ребят, чтобы выгнать меня. Понятно, я ехал за тобой. И скажу тебе, девочка — везучая ты. Пырнула этого стигийского офицера, потеряла защиту Заралло и бежала от мести стигийцев в эту глушь...

— Ну да, — печально сказала она. — А что мне было делать? Ты знаешь, почему я так поступила.

— Верно, — согласился он. — Я бы тоже на твоем месте выпустил ему кишки. Но коль скоро женщина желает жить в лагере среди вооруженных мужчин, ей следует ожидать чего-то такого.

Валерия топнула ногой.

— Но почему я не могу жить так, как они?

— Потому что! — он снова окунул ее жадным взглядом. — Но ты правильно сделала, что убежала. Стигийцы сняли бы с тебя кожу. Брат этого офицера поскакал следом за тобой, и, наверное, настиг бы — конь у него получше. Еще несколько миль, и он перерезал бы тебе глотку.

— Ну и?.. — спросила она выжидательно.

— Что — ну и? — не понял он.

— Ну и что с этим стигийцем?

— А ты как думаешь? Ясное дело, я убил его и оставил на поживу стервятникам. Пришлось немножко задержаться, и я потерял твой след, а то бы давно догнал.

— И, верно, думаешь вернуть меня в лагерь?

— Не болтай ерунды, — сказал он. — Иди ко мне, девочка, не ершись. Я ведь не тот зарезанный стигиец.

— Ты нищий бродяга! — крикнула она.

— А сама-то? У тебя даже на новые заплатки нет. Твое презрение меня не обманет. Знаешь ведь, что командовал я большими кораблями и многочисленными дружинами. А что нищий — так любой корсар большую часть жизни в нищете проводит. Зато золота, которое я расшивырял по

портовым городам, хватило бы нагрузить целый галеон, и ты это знаешь.

— Где же эти великолепные корабли и отважные парни, что шли за тобой?

— В основном на дне морском, — сказал он. — Последний мой корабль потопили зингаранцы у побережья земли Куш — вот и пришлось присоединиться к Вольнице Заралло. Но после похода к рубежам Дарфара я понял, что прогадал. Жалованье небольшое, вино кислое, чернокожих женщин я не люблю. Их полно в окрестностях Сукмета — в носу кольцо, зубы подпилены — ох! А ты-то что забыла у Заралло? Сукмет лежит далеко от соленой воды.

— Красный Орто хотел сделать меня своей любовницей, — хмуро сказала она. — И вот ночью, когда мы стояли на якоре у берегов Куш, я спрыгнула за борт и доплыла до земли. Там купец-шемит сказал мне, что Заралло повел свою Вольницу на юг стеречь границу. Ничего лучшего не подворачивалось, вот я и добралась до Сукмета с попутным караваном.

— Вообще-то все твоё бегство на юг — сплошное безумие, — заметил Конан. — Впрочем, не совсем — патрулям Заралло и в голову не пришло искать тебя в этой стороне. Только брат убитого парня напал на твой след.

— А что ты-то собираешься делать? — спросила она.

— Поверну на запад. Там, после многих дней пути, начнутся саванны, где чернокожие пасут свои стада. Там у меня есть приятели. Мы дойдем до побережья и приглядим какой-нибудь корабль. Хватит с меня этих джунглей!

— Тогда прощай, — сказала она. — У меня другие планы.

— Дура! — он впервые по-настоящему рассердился. — Одна ты недалеко уйдешь в этом лесу.

— Захочу, так уйду.

— И что будет потом?

— Не твоё дело, — фыркнула она.

— Мое, мое, — тихо сказал он. Или ты думаешь, я так далеко забрался, чтобы поворотить ни с чем? Будь умницей, девочка, я ведь не причиню тебе вреда...

Он шагнул вперед, она отскочила назад, вытащив меч.

— Прочь, собака-варвар, или я раздеваю тебя, как жареного кабана!

Он остановился и спросил:

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя эту игрушку да ею и отшлепал?

— Болтовня! — сказала она и в глазах ее засверкали искры, точно солнечные блики на море.

Так оно и было. Не родился еще человек, который голыми руками

сумел бы обезоружить Валерию из Красного Братства. Он хмыкнул, ощущая в душе целый клубок противоречий. Злился, но в то же время не мог не дивиться ее решительности и уважать ее. Горел желанием, но не хотел нанести обиды. К тому же сделал он шаг вперед — и ее меч вонзился ему в сердце. Частенько приходилось ему видеть, как Валерия расправлялась с мужиками в пограничных стычках и кабацких драках. Она была быстрой и опасной, как тигрица. Он, конечно, мог достать меч и выбить оружие у нее из рук, но сама мысль обратить клинок против женщины была ему отвратительна.

— Чтоб тебя демоны взяли, киска, — раздраженно сказал он. — Отберу-ка я у тебя...

Он шагнул к ней, но замер, как кот перед прыжком. Где-то в лесу раздались вопли, стоны, треск ломаемых костей.

— Львы напали на лошадей! — закричала Валерия.

— Львы? Ерунда! — фыркнул Конан и глаза его засияли. — Ты слышала когда-нибудь львиный рев? Я, например, слышал. Ишь как кости трещат — даже лев не убивает коня с таким шумом.

Он побежал вниз по тропинке, Валерия за ним. Память о стычке мгновенно исчезла, уступив место чувству общей опасности, которое роднит вот таких искателей приключений. Когда они спустились ниже древесных крон, вопли затихли.

— Я нашел твоего коня у озера, — прошептал он на ходу. А ступал варвар столь бесшумно, что она поняла, почему он застиг ее врасплох. — И привязал рядом своего. Внимание! Кони должны быть там, за кустами. Слышишь?

Валерия слышала, и мороз пробежал по коже. Она ухватилась за могучую руку спутника. Из-за деревьев слышался хруст костей, треск разрываемых мышц и целая гамма всяческих хрипов, причмокиваний и прочих звуков чудовищного пиршества.

— Это не львы, — шепнул Конан. — Кто-то жрет наших лошадок, но только не львы. Клянусь Кромом...

Звуки внезапно оборвались и Конан осекся. Порыв ветра с их стороны был направлен туда, где пировал невидимый хищник.

— Идет сюда, — сказал Конан и поднял меч.

Листва закачалась, и Валерия еще крепче вцепилась в руку Конана. Джунгли она знала плохо, но понимала, что не всякий зверь способен так раскачать стволы.

— Здоровый, должно быть, как слон, — пробормотал Конан, как бы угадав ее мысли. — Какая-то чертовщина...

Из гущи листьев появилась морда, какой не увидишь и в страшном сне. Разинутая пасть открывала ряд тяжелых пожелтевших клыков. Морщинистая морда принадлежала ящеру. Огромные бельма, точно увеличенные тысячекратно глаза удава, неподвижно уставились на людей, которые прижались к скале и сами словно окаменели. Кровь покрывала обвислые чешуйчатые губы и капала вниз.

Голова — крупнее, чем у самого большого крокодила — помещалась на длинной бронированной шее, вокруг которой воротником во все стороны торчали роговые шипы, а потом, ломая кусты и деревья, выплыло огромное бочкообразное тело на коротеньких ногах. Белесое брюхо волочилось почти по земле, а колючий хребет поднимался так высоко, что даже Конан, встав на кончики пальцев, не смог бы до него дотянуться. Длинный, увенчанный шипом хвост, как у огромного скорпиона, тащился далеко позади.

— Назад на скалу, быстро! — Конан подтолкнул девушку. — Не похоже, чтобы он мог лазать по скалам, но если поднимется на задние лапы, то достанет нас...

Чудовище пошло к ним, подминая кусты и молодые деревья, а они полетели к вершине, как листья по ветру. Валерия оглянулась и увидела, что страшный гигант точно стоит на задний столбоподобных лапах, как и предвидел Конан. Ее охватила паника. В вертикальном положении тварь казалась еще огромнее, а морда ящера достигала нижних ветвей гигантских деревьев.

Тогда железная рука Конан ухватила ее за плечо и со страшной силой втащила в зеленое переплетение ветвей как раз в тот момент, когда передние лапы чудовища грохнули о скалу, задрожавшую от удара.

Сразу же следом за беглецами из ветвей высунулась огромная голова и они с леденящим ужасом глядели на обрамленную зеленью страшную морду с разинутой пастью и горящими глазами. С треском захлопнулась пасть и голова открылась словно погрузившись в озеро. Сквозь поломанные ветви они разглядели, что чудовище уселось на задние лапы и неотступно пялится вверх.

Валерия задрожала.

— Долго он будет тут сидеть?

Конан пнул череп, тот что валялся в листве.

— Этот бедняга забрался сюда, спасаясь от него или его сородичей. И помер с голоду. Кости целы. Ясно, это тот самый дракон, о котором чернокожие рассказывают легенды. А если так, то от живых от нас он не отвяжется.

Валерия жалобно глядела на него, позабыв о недавней ссоре. Она пыталась унять страх. Не раз показывала свою отвагу на море и на суше — на скользких от крови палубах боевых галер, на стенах, взятых с бою городов, на песчаных пляжах, где молодцы из Красного Братства резали друг дружку в борьбе за власть. Но то, что их ожидало, было гораздо страшнее. Удар клинка и пламя битвы это еще ничего. Но беспомощно сидеть на голой скале в ожидании голодной смерти под охраной чудовища из древних веков — эта мысль наполняла ее ужасом.

— Он же должен время от времени ходить за жратвой и водой, — сказала она неуверенно.

— И то, и другое рядом, — ответил Конан. — Конским мясом он запасся, да к тому же, как всякий змей может долго обходиться без пищи и воды. Жаль только, что не спит, нажравшись, как змеи делают. Но так иль этак, на скалу ему не влезть.

Конан говорил спокойно. Он был варваром. Терпеливость лесов и их обитателей было же частью его натуры, как вожделение и неудержимая ярость. В отличие от цивилизованных людей, он сохранял хладнокровие и в худших обстоятельствах.

— А мы не можем забраться на дерево и убежать, прыгая с ветки на ветку, как обезьяны? — спросила она в отчаянии.

— Я уже думал об этом. Ближние ветви слишком тонки, они обломятся под нами. А потом мне сдается, что эта скотина может вырвать с корнем любое дерево.

— Значит, мы будем здесь торчать, пока не оклеем с голоду? — в яности заорала она и пнула череп так, что он со стуком покатился по скале,

— Я не хочу! Я опущусь вниз и снесу эту чертову башку!

Конан сидел на каменном выступе у подножия шпиля. Он с восхищением смотрел на ее горящие глаза, но сейчас она была способна на любое безрассудство, так что восхищение пришлось оставить при себе.

— Сядь! — рявкнул он и, схватив Валерию за руку, усадил к себе на колени. Она так опешила, что даже не сопротивлялась, когда он отобрал у нее меч и вернул в ножны. — Сиди тихо и успокойся. Сталь сломается об его чешую. А ты ему на один зуб. Или он прихлопнет тебя хвостом. Как-нибудь да мы выберемся отсюда...

Она ничего не ответила и не попыталась отбросить его руку с талии. Страх давил ее, это чувство было незнакомо для Валерии из Красного Братства. Покорно сидела она на коленях у своего спутника. То-то удивился бы Заралло, окрестивший ее «дьяволицей из адского гарема»!

Конан лениво перебирал ее золотые локоны. Ни скелет у ног, ни

чудовище под скалой, его сейчас не интересовали.

А ее беспокойные глаза заметили цветные пятна на зеленом фоне. Это были плоды — большие темно-пурпурные шары на ветвях дерева с широкими ярко-зелеными листьями. Тотчас она снова почувствовала голод, а заодно и жажду — ведь озеро было теперь недосыгаемым.

— Мы не умрем, — сказала она. — Вон плоды, только руку протяни!

Конан глянул в ту сторону.

— Если мы их съедим, — проворчал он, — то дракону будет делать нечего. Черные люди земли Куш называют их «яблоки Деркето». А Деркето — Царица мертвых. Проглоти каплю сока или даже окропи им кожу — и ты умрешь раньше, чем успеешь сбежать со скалы.

— О! — она замолкла бессильно. Видно от судьбы не уйдешь. Спасенья она уже не чаяла, А Конан был все еще занят ее талией и локонами. Если он и думал о спасении, то про себя.

— Если бы ты убрал свою лапу и залез на шпиль, — сказала она, — то увидел бы много интересного. Он вопросительно глянул на нее, пожал плечами да так и сделал. Обхватил каменную вершину и внимательно оглядел окрестности. Потом слез и застыл как статуя.

— И правда, укрепленный город, — буркнул он. — Так ты собираешься туда, а меня хотела наладить на побережье?

— Я увидала его как раз перед тем, как ты появился. Когда я покидала Сукмет, то слыхом не слыхивала об этом городе.

— Кто бы мог подумать, здесь — город! Вряд ли стигийцы продвинулись так далеко. Уж не чернокожие ли возвели его? Но не видно ни пристроек, ни людей...

— Еще бы — с такого-то расстояния!

Он пожал плечами.

— Во всяком случае тамошние жители нам не помогут. Народы Черной Земли враждебных пришельцев. Они бы просто забросали нас копьями и...

Он замолчал, уставившись на пурпурные шары в листве.

— Копия! — сказал он. — Проклятый идиот, как я раньше не додумался! Вот как пагубно действует на мужика женская красота!

— Что ты несешь? — спросила она.

Не отвечая, он опустился к ветвям и посмотрел вниз. Чудовище продолжало сидеть, уставившись на скалу со змеиным упорством. Много тысяч лет назад его предки вот так же выслеживали пещерных людей.

Конан незлобливо выругался и начал рубить тесаком ветви, норовя выбрать потолще. Движение листвы потревожило тварь, она встала на

четыре лапы и принялась колотить хвостом во все стороны. Конан внимательно следил за драконом и, когда тот вновь бросился на скалу успел вовремя отскочить с пучком отрубленных веток. Три штуки их было — длинною около семи локтей, толщиной с большой палец. Кроме того, киммериец заготовил несколько тонких, но крепких лиан.

— Слишком легкие для древка копья, — сказал он. — И нашего веса они бы, конечно, не выдержали. Но в единении сила — так учили нас, киммерийцев, аквилонские мятежники, что приходили нанимать наших воинов для разорения своей же земли. А мы предпочитали биться постарому — родами да племенами...

— А причем тут эти чертовы палочки? — спросила она.

Конан вставил между ветвями рукоятку своего тесака и обмотал связку лианой. Получилось надежное копье.

— А что толку? Ты же сам говорил, что чешую не пробить.

— Не весь же он в чешуе, — ответил Конан. — Есть много способов содрать шкуру с пантеры.

Он подошел к краю скалы выставил копье и пронзил одно из яблок Деркето, всячески оберегаясь от брызнувшего пурпурного сока. Голубоватая сталь лезвия покрылась алым матовым налетом.

— Не знаю, выйдет ли что из этой затеи, — сказал он, — но яду здесь хватило бы для слона. Посмотрим.

Валерия следовала за ним. По-прежнему осторожно держа копье на отлете, он просунул голову между ветвей и обратился к чудовищу:

— Ну, чего ты ждешь, помесь крокодила со скорпионом? Высунь-ка свою поганую морду, червяк-переросток, а не то я спущусь вниз и забью тебя пинками, сучий ты потрох!

Он добавил еще несколько выразительных слов, да таких, что даже Валерия, выросшая среди моряков, удивилась. Но и на чудовище речь Конан произвела впечатление: голос человека приводит животных либо в страх, либо в бешенство. Внезапно, с неожиданной прыткостью дракон вскочил на задние лапы и вытянул шею в отчаянной попытке ухватить дерзкого карлика, осмеливающегося нарушать тишину в его владениях. Но Конан точно определил расстояние. Голова гиганта пробила листву в пяти локтях под ним. И когда открылась чудовищная пасть, он изо всех сил метнул копье в алый зев. Челюсти судорожно захлопнулись, перекусив древко, а Конан чуть не полетел вниз, но Валерия крепко ухватила его за пояс. Он обрел равновесие и буркнул что-то похожее на благодарность.

Чудовище внизу заметалось, словно сторожевой пес, которому воры насыпали перцу в глаза. Оно мотало головой, било когтями по скале и

разевало пасть изо всех сил. В конце концов ему удалось задней лапой ухватить обломок копья и выдернуть его. Потом оно подняло голову и глянуло на людей таким яростным, почти разумным взглядом, что Валерия задрожала и вытащила меч. Чешуя на горле и боках бестии из ржаво-коричневой сделалась ярко-красной. И, самое страшное, из окровавленной пасти извергались звуки, каких не услышишь от обычных тварей земных.

С глухим ревом дракон бросился на скалу, где укрылись его противники. Снова и снова поднималась над листвой его голова и челюсти хватали воздух. А потом, встав на задние лапы, он даже попытался вырвать скалу, словно дерево.

Этот взрыв первобытной мощи и ярости оледенил Валерию. Но Конан и сам был слишком первобытным, чтобы испытывать что-либо кроме любопытства и понимания. Для варвара пропасть между ним и другими людьми и животными была не столь велика, как для Валерии. Он переносил на дракона свои собственные качества и в рычании гада ему слышались те же проклятия, какими он сам его осыпал. Ощущая родство со всеми творениями дикой природы, он не испытывал ни страха, ни отвращения.

Так что варвар сидел и спокойно наблюдал, как меняется рев зверя и его поведение.

— Отрава начала действовать, — уверенно сказал он.

— Что-то не верится, — Валерии и в самом деле было непонятно, как яд, пусть даже такой смертоносный, может повредить этой горе взбесившегося мяса.

— В его реве слышится боль, — пояснил Конан. — Сперва он немножко рассерчал — укололи в десну! А теперь почуял действие яда. Видишь — он зашатался. Через пару минут ослепнет...

И верно, чудовище зашаталось и напролом двинулось в лес.

— Он убегает? — с надеждой спросила Валерия.

— Бежит к озеру! — Конан возбужденно вскочил. — Яд ждет его! Ослепнуть-то он ослепнет, но может по запаху воротиться к скале и останется тут, покуда не сдохнет. Но ведь и вся драконья родня того и гляди сбежится на его вопли!

— Значит, вниз?

— Конечно! Рванем до города! Там нам, правда, могут и глотки перерезать, но другого выхода нет. По дороге, может, еще тысяча таких тварей попадется, но здесь — верная смерть. Быстро за мной!

И он с обезьяньей ловкостью помчался вниз, время от времени останавливаясь, чтобы помочь своей менее проворной спутнице. А она-то

считала, что ни в чем не уступит мужчине!

Они вступили в полумрак листьев и бесшумно спустились на землю. Все равно Валерии казалось, что ее сердце стучит на всю округу. Звуки из-за кустов означали, что дракон утоляет жажду.

— Нахлебается вволю и вернется, — проворчал Конан. — И пройдут часы, пока яд его свалит. Если вообще свалит...

Дальнее солнце начало склоняться к горизонту, и чаша стала еще мрачнее. В туманном полумраке заплясали черные тени. Конан ухватил Валерию за руку и они помчались прочь от скалы. Варвар несся беззвучно, как ветер.

— По следам идти он, видно, не может, — рассуждал Конан на бегу. — А вот если ветер нанесет на него наш запах, то учуяет...

— О Митра! — умоляюще прошептала Валерия — Уйми ветер!

Лицо ее было бледным овалом в полумраке. В свободной руке она держала меч, но ощущение рукояти, обтянутой кожей, уверенности почему-то не прибавляло.

От опушки леса их все еще отделяло солидное расстояние, когда сзади послышались треск и топот. Валерия закусила губу, чтобы не разрыдаться.

— Он догоняет нас... — в ужасе шепнула она.

— Нет, — сказал Конан. — Он понял, что на скале нас нет и мотается теперь по лесу — пробует уловить запах. Скорее! теперь город или смерть! Да он любое дерево выворотит, если мы туда заберемся! Только бы ветер не переменился!

Лес перед ними начал редеть, а позади оставалось море мрака, откуда доносился зловещий треск — чудовище искало свои жертвы.

— Равнина, — сказала Валерия. — Еще немножко, и...

— Клянусь Кромом! — выругался Конан.

— О Митра! — крикнула Валерия.

Ветер прямо от них повеял в черную чащу. И тотчас ужасный рев потряс листву и беспорядочные стук и треск сменились непрерывным грохотом. Это дракон, подобно урагану, устремился в сторону своих врагов.

— Беги! — зарычал Конан и глаза его засверкали как у волка, угодившего в капкан. — Только это и осталось!

Морские сапоги не слишком удобны для бега, да и сами пираты неважные бегуны — таков уж их образ жизни. Шагов через сто Валерия начала задыхаться и спотыкаться. А сзади слышался уже не топот, а сплошной гром — чудовище выбежало из леса на открытое пространство.

Железная рука Конан обвила ее талию и приподняла над землей. Если бы им удалось сейчас избежать клыков, ветер, возможно, снова бы

переменился. Но пока он дул по-прежнему, и дракон мчался за ними, как военная галера, подхваченная тайфуном. Варвар оттолкнул Валерию с такой силой, что она пролетела несколько локтей и упала у подножия ближайшего дерева, а сам встал на пути разъяренного гиганта.

Уверенный, что смерть неизбежна, киммериец подчинился велениям инстинкта и со всей решимостью ринулся на чудовище. Он прыгнул, словно дикий кот и нанес мощный удар, почувствовав, что меч глубоко вонзился в чешуйчатый лоб. Потом нечеловеческая сила отшвырнула его в сторону, и он отлетел локтей на полсотни, теряя дух и сознание.

Он и сам бы не мог сказать, как сумел подняться на ноги. Все мысли его были только о спутнице, беспомощно лежащей на пути разъяренного дракона. Прежде чем дыхание снова вернулось к нему, он уже стоял над ней с мечом в руке.

Она лежала там же, куда он ее толкнул, но уже пробовала подняться. Ее не коснулись ни саблевидные клыки, ни лапы, что сметали все на пути. Самого же Конана дракон, как видно отшвырнул плечом когда, позабыв о жертвах, понесся вперед, почуяв смертные судороги. Он так и летел, пока не столкнулся с гигантским деревом на своем пути. Сила удара была так велика, что дерево вывернулось с корнем, а из черепа чудовища вылетели не бог весть какие мозги. Дерево рухнуло на дракона и пораженные люди увидели, как ветви и листья трясутся от конвульсий гада. Наконец все утихло.

Конан помог Валерии встать и они побежали дальше. Через минуту они были уже на равнине, покрытой спокойным полумраком.

Конан остановился на мгновенье, чтобы оглянуться на лес. Там лист не шелохнулся, птица не пискнула. Там была тишина — такая же, как до сотворения человека.

— Бежим, — сказал Конан. — Жизнь наша все еще на волоске. Если из леса выползут другие драконы...

Дальнейшего говорить не требовалось.

Город был далеко — гораздо больше, чем казалось со скалы. Сердце болезненно колотилось в груди Валерии, лишая ее дыхания. Каждую секунду ей казалось, что сейчас из чащи вылетит новая тварь и устремится по их следу. Но ничто не нарушило тишины.

Когда от леса их отделяла уже примерно миля, Валерия вздохнула с облегчением. Уверенность начала возвращаться к ней. Солнце уже взошло и тьма сгущалась над равниной, перебиваемая светом первых звезд. Кактусы в полумраке напоминали сказочных карликов.

— Здесь нет ни скота, ни вспаханных полей, — рассуждал Конан. —

Чем же этот народ живет?

— Скотину могли на ночь загнать за ворота, — предложила Валерия. — А поля и пастбища — по ту сторону города.

— Возможно, — согласился он. — Хотя со скалы я ничего подобного не видел.

Над городом взошла луна, башни и стены зачернели в желтом ее свете. Мрачным и тревожным казался этот черный город.

Наверное, так и подумал Конан, остановился, огляделся и сказал:

— Останемся тут. Что толку колотиться ночью в ворота — все равно не отопрут. Неизвестно, как нас встретят, так что лучше набраться сил. Поспим пару часов — и снова будем готовы биться или убегать — как придется.

Он подошел к зарослям кактуса, которые образовали как бы кольцо — обычное дело в южных пустынях. Он прорубил мечом проход и сказал Валерии:

— По крайней мере убережемся от змей.

Она со страхом обернулась в сторону леса, находящегося в каких-нибудь шести милях.

— А если из чащи вылезет дракон?

— Будем сторожить по очереди, — ответил он, хоть и не сказал, какой в этом толк.

— Ложись и спи. Первая стража моя.

Она заколебалась, глядя на него с сомнением, но он уже сидел у прохода, скрестив ноги и уставившись во мрак, с мечом на коленях. Тогда она молча улеглась на песок посередине колючего кольца.

— Разбудишь меня, когда луна будет в зените, — приказала она.

Он ничего не ответил и даже не взглянул на нее. Последнее, что она видела перед сном, был силуэт его могучей фигуры, недвижной, как бронзовая статуя.

2. ПРИ СВЕТЕ ОГНЕННЫХ КРИСТАЛЛОВ

Валерия проснулась, дрожа от холода, и увидела, что равнина уже залита серым светом.

Она села, протирая глаза. Конан стоял возле кактуса, отрубая его мясистые листья и осторожно вытаскивая колючки.

— Ты меня не разбудил! — с упреком сказала она. — Позволил мне спать всю ночь!

— Ты устала, — сказал он. — Да, наверное, и зад весь отбила за дорогу. Вы, пираты, непривычны к лошадиному хребту.

— А как же ты сам-то? — огрызнулась она.

— Прежде чем стать пиратом, я был мунганом, — ответил он. — А они всю жизнь проводят в седле. Однако и я перехватил несколько минуток сна — знаешь, как пантера, что подстерегает серну на лесной тропе.

И в самом деле огромный варвар выглядел удивительно бодро, словно спал всю ночь на царском ложе. Вытащив колючки и очистив толстую кожу, он подал девушке толстый, сочный лист кактуса.

— Кусай, не бойся. Для людей пустыни это и еда, и питье. Когда-то я был вождем зуагиров, пустынного племени, которое живет тем, что грабит караваны.

— О боги, кем ты только не был! — со смесью недоверия и восхищения сказала она.

— Например, я никогда не был королем гиборийской державы, — он откусил здоровенный кусок кактуса. — Хоть и мечтаю об этом. И, возможно, когда-нибудь стану им — почему бы и нет?

Она покачала головой, дивясь его спокойной дерзости, и принялась за еду. Вкус не был неприятным, а влага вполне утоляла жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер руки о песок, встал, расчесал пятерней свою черную гриву, нацепил пояс с мечом и сказал:

— Ну что ж, пойдем. Если горожане захотят перерезать нам глотки, они с таким же успехом могут сделать это и сейчас, пока солнышко не начало припекать.

Валерия подумала, что эта мрачная шутка может оказаться вещей. Она тоже встала и подпоясалась. Ночные страхи миновали, и драконы из леса казались уже смутным воспоминанием. Она смело шагала рядом с

Конаном. Какие бы опасности не ожидали их, враги будут всего лишь людьми. А Валерия из Красного Братства еще не встречала человека, способного испугать ее.

Конан смотрел на нее и удивлялся — она шла таким же, как у него, размашистым шагом и не отставала.

— Ходишь ты как горцы, а не как моряки, — заметил он. — Ты, должно быть, аквилонка. Солнце Дарфара не сделало твою белую кожу бронзовой. Многие принцессы могли бы тебе позавидовать.

— Да, я из Аквилонии, — ответила она. Его комплименты уже не раздражали ее, а явная влюбленность была даже приятна. Если бы другой мужчина позволил ей проспать ее стражу, она бы страшно разгневалась, потому что не позволяла, чтобы ей делали поблажки как женщине. Но втайне радовалась, что Конан поступил именно так. И не воспользоваться ее страхом или робостью. В конце концов, подумала она, это необыкновенный человек.

Солнце вставало за городом, и его башни засияли тревожным пурпуром.

— При луне они черные, — бормотал Конан, и в глазах его появилась варварская покорность судьбе. — А при ясном солнце они словно кровь, и кровь, должно быть, предвещают. Ох, не нравится мне этот город!

Тем не менее они продолжали идти, и Конан отметил, что ни одна дорога с севера не вела в город.

— Скот не истоптал пастищ по эту сторону города, — сказал он. — И плуг не касался этой земли много лет, а может, веков. Но смотри — здесь все же когда-то крестьянствовали.

Валерия увидела древние оросительные канавы — местами засыпанные, местами поросшие кактусами.

Она с тревогой посмотрела на город. Солнце не блестало на шлемах и копьях по стенам, трубы не трубили тревогу, с башен не доносились приказы... Тишина, такая же, как в лесу. Солнце было уже высоко на востоке, когда они остановились перед огромными воротами в северной стене, в тени вынесенного парапета. Пятна ржавчины покрывали железную оковку бронзовых створок. Отовсюду свешивалась паутина.

— Их не открывали уже много лет! — сказала Валерия.

— Мертвый город, — согласился Конан. Вот почему засыпаны канавы и не тронуты поля.

— Кто же построил этот город? Кто жил в нем? Куда они все ушли?

— Не знаю. Может, какой-нибудь изгнанный стигийский род. Хотя нет. Стигийцы строят по-другому. Возможно, их прогнали враги или

истребило моровое поветрие.

— Тогда там лежат сокровища, обрастаю пылью и паутиной! — сказала Валерия, в которой проснулась свойственная ее ремеслу жадность, соединенная с женским любопытством. — Сумеем мы открыть эти ворота? Давай попробуем!

Конан с сомнением поглядел на тяжелые ворота, но все же уперся в них руками и толкнул что было сил.

Страшно заскрипели заржавевшие петли, тяжкие створки подались, и Конан выпрямился, доставая меч из ножен. Валерия выглянула из-за его плеча и издала звук, свидетельствующий об удивлении.

Они ожидали увидеть улицу или дворик — ничего подобного! Ворота — точнее двери — открывались прямо в широкий, длинный зал, уходивший в глубину насколько хватало глаз. Исполинских пропорций, зал поражал воображение. Пол, вымощенный красной квадратной плиткой, едва заметно светился, словно отражая пламя факелов. Стены были сложены из какого-то блестящего зеленого минерала.

— Пусть меня назовут щемитом, если это не жадеит! — От удивления Конан тихонько выругался.

— Но чтобы столько и в одном месте! — возразила Валерия.

— Я пощипал достаточно караванов, шедших из Кхитая, так что можешь мне верить — это жадеит.

В сводчатый лазуритовый потолок были вставлены грозья больших зеленых камней, испускающих в полумраке ядовито-зеленое свечение.

— Огненные камни! — Несмотря на внешне бесстрастный вид, Конан был поражен. — Так называют их антийцы. Существует поверье, что это — окаменевшие глаза доисторических гадов, которых наши предки называли «золотыми змеями». В темноте они горят, будто кошачьи. Так что ночью в этом зале светло, только, должно быть, это жуткое зрелище. А сейчас займемся поисками — вдруг да наткнемся на тайник с драгоценностями.

— Закрой дверь, — попросила Валерия. — У меня нет никакого желания удирать от дракона и в этом зале.

Конан ответил, ухмыльнувшись:

— Не думаю, чтобы драконы отважились покинуть свой лес.

Однако он выполнил просьбу девушки и, указав на сломанный засов, добавил:

— Когда я налег плечом, мне послышалось, будто что-то хрустнуло. Засов весь изъеден ржавчиной, как видно, его я и сломал. Но если люди покинули город, почему двери были заперты изнутри?

— Значит, они вышли другими воротами.

Валерия подумала, сколько, должно быть, минуло столетий с тех лет, как в этот зал в последний раз проникал дневной свет. Но она ошибалась. Огромный зал вдруг начал заполняться светом, и скоро они обнаружили его источник. В сводчатом потолке были прорезаны узкие щели-окна, прикрыты полупрозрачными пластинками какого-то кристалла. Зеленые камни в темных промежутках между окнами мигали, точно глаза разъяренных кошек. Пол ногами мерцающий пол переливался всеми цветами и оттенками пламени. Они словно шагали по земле царства Мертвых под небом, усеянным злыми мигающими звездами.

Три галереи с балюстрадами протянулись одна над другой вдоль стен зала.

— Похоже на четырехэтажный дом, — пробурчал Конан. — В высоту зал до самой крыши. Длинный, как улица. Кажется, в той стене есть дверь.

Валерия пожала своими ослепительно-белыми плечами.

— Не спорю — твои глаза поострее моих, хотя, признаться, среди корсаров меня тоже не считали за слепую.

Они свернули в открытую дверь и прошли через несколько комнат — пол у всех был выложен, как и в большом зале, плитами; стены, украшенные золотым, серебряным или бронзовым фризом — из того же зеленого жадеита, мрамора, реже — из халцедона. Вкрапления зеленых камней источали с потолка все тот же призрачный мерцающий свет.

В некоторых комнатах освещение отсутствовало, их дверные проемы вставали непроницаемо-черным пятном, словно бреши в потусторонний мир. Валерия и Конан проходили мимо них, все время держась светлых помещений.

В углах висела паутина, но на полу, на мраморных полах, сиденьях, не ощущался присущий запустению слой пыли. То и дело встречались коврики, выполненные из китайского шелка, известного своей прочностью. И ни одной двери или окна, которые выходили бы на улицу, во двор или в сад. Каждая дверь неизменно вела в новую комнату или в зал.

— Где же у них тут улицы? — проворчала Валерия. — Похоже, по размерам этот дворец не уступит сералю короля Турана.

— Чума тут ни при чем, — размышая о своем, медленно проговорил Конан. — Иначе были бы скелеты. Что если их одолели частые набеги, и вот они собрались и ушли? Или...

— Что если тебебросить свои гаданья?! — вдруг вспыхнула Валерия. — Все равно ничего не узнаем. Лучше посмотри на фризы. Тебе не кажется, что эти линии чем-то напоминают людей? Как ты думаешь, какой они расы?

Конан тщательно осмотрел рисунки и покачал головой.

— Никогда раньше таких не видел. Хотя... В них есть восточные черты — скорее всего, выходцы из Вендии или из Козалы.

— Ты что, был королем в Козале? — насмешливый тон не мог скрыть острого любопытства.

— Нет. Но я был начальником в отряде афгулов — племени, населяющим Химелийские горы вдоль вендийской границы, а они держат сторону Козала. Но для чего козалцам понадобилось строить город так далеко от родных земель?

Фигуры на стене — мужчины и женщины, стройные, с кожей оливкового цвета — были высечены со всей тщательностью, в глаза бросались необычные черты лиц, горделивая грация тел, проницательный взгляд. Резчик одел их в легкие, как паутинка, одеяния с обилием искусственных украшений из драгоценных камней и металлов, изобразив во время пиршества, танцующими или в любовных сценах.

— Конечно, с востока, — уже решительней сказал Конан, — только не пойму, откуда именно. Похоже, их жизнь протекала до отвращения гладко, иначе мы нашли бы сцены сражений и поединков... Что там — ступени? Давай поднимемся.

Это была винтовая лестница, берущая начало в комнате, в которой они сейчас находились. Они поднялись на три пролета и очутились в просторной комнате на четвертом этаже; потолки этого яруса были гораздо выше, чем на нижних трех. Сквозь окна-щели, прорезанные в потолке, в комнату падал свет; здесь, как и в зале, слабо посверкивали огненные камни. Из комнаты вели четыре двери, заглянув в три из них, они увидели уходящие вдаль анфилады комнат все в том же призрачном свете, четвертая выходила на галерею, протянувшуюся вдоль зала — гораздо меньшего по сравнению с тем, который они обследовали ранее.

— Будь они прокляты! — Валерия с мрачным видом опустилась на скамью из жадеита. — Люди, удравшие из этого проклятого города, похоже, захватили с собой все ценности. Я устала: бродиши, бродиши — и ничего, одни пустые комнаты!

— Весь верхний ярус освещен окнами в крыше. — Холодный, размеренный тон варвара подействовал на нее успокаивающе. — Значит, надо найти окно с видом на город. Давай осмотрим комнаты вон за той дверью.

— Вот ты и осматривай, — слабо огрызнулась девушка. — А я пока останусь здесь — ноги уже гудят.

Бесшумно, словно привидение, Конан растворился в проеме двери —

напротив той, что вела на галерею, в то время как Валерия, сцепив пальцы на затылке, откинулась на спинку скамьи и с наслаждением вытянула ноги. Эти молчаливые комнаты и залы с гроздьями мерцающих камней над головой и кроваво-красным полом действовали на нее угнетающе. Единственное, чего ей сейчас хотелось, — это поскорее выбраться из лабиринта на улицу. Расслабившись, она целиком отдалась потоку мыслей. «Интересно, — рассеянно думала Валерия, — что за люди ступали по этим алым плиткам и сколько зла увидели за сотни лет загадочные мигающие под потолком зеленые камни?»

Легкий шорох пробудил ее от раздумий. Еще не осознав причины, она была уже на ногах, сжимая в руке меч, вся обратившись в слух: для Конана — слишком рано, к тому же он всегда появлялся неслышно, точно призрак.

Звук исходил из-за двери, ведущей на галерею. Без малейшего шороха, как кошка ступая в сапогах мягкой кожи, она скользнула в дверь, пересекла балкон и, укрывшись за тяжелой колонной балюстрады, глянула вниз.

По залу крадучись двигался человек.

Появление живого существа в этом, казалось, уже века как брошенном дворце, поразило девушку: на миг захолонуло сердце, прервалось дыхание. Очнувшись, она быстро присела за каменные перила и с напряженным вниманием

— нервы как струны — горящими глазами стала следить за фигурой внизу.

Человек ничем не напоминал людей, чьи изображения она видела на стенах. Чуть выше среднего роста, очень смуглый, но не из племени чернокожих, он был совершенно голый, если не считать шелковой повязки, наполовину прикрывавшей мускулистые бедра, а также кожаного пояса шириной с запястье мужчины, стянувшего узкую талию. Прямые черные волосы, рассыпанные в беспорядке по плечам, придавали ему вид дикаря. На первый взгляд худой, но канаты и узлы мускулов, буграми выступающие под кожей рук и ног, все тело без той излишней плоти, что придает линиям плавность, а облику — гармонию, говорили о том, насколько обманчивым может оказаться поверхностное суждение. Убрав излишки, природа вылепила образ цельный, почти отталкивающий.

И все-таки больше всего воительнице поразила не внешность, а повадки человека. Он крался на полусогнутых ногах, припадая к полу и поминутно оглядываясь. В правой руке он сжимал рукоять кривого, широкого у острия клинка, и она видела, как дрожала эта рука от завладевших человеком чувств. Воин был испуган, трясясь в тисках животного ужаса, и когда вновь оглянулся, из-под черных прядей блеснула

пара широко раскрытых глаз.

Валерию он не заметил. Дальше и дальше скользил он на цыпочках через зал, пока не скрылся в открытых дверях. Минутой позже оттуда донесся слабый вскрик, и снова в воздухе повисла тишина.

Не в силах побороть любопытства, Валерия, пригнувшись, перебежала по галерее до двери, расположенной прямо над той, в которой скрылся человек. Не задумываясь, она вошла в дверь и очутилась на галерее поменьше, обегающей большую комнату.

Эта комната располагалась на третьем этаже, и ее потолок был не так высок, как в большом зале. Ее освещали только огненные камни, их зловещий зеленый свет не мог рассеять тьмы над галереей.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она заметила, находился там, внизу.

Он лежал на пурпурном ковре в центре комнаты — тело обмякло, руки раскинуты в стороны. Кривой меч — рядом.

Ей показалось странным, что он так долго лежит без движения. Но вот девушка взгляделась в ковер под неподвижной фигурой — глаза ее сузились. Под телом и около него цвет ткани был иным, более ярким — альм.

Дрожа мелкой дрожью, она присела за ограждением, ее глаза пытливо изучали тени под галереей. Но бесполезно: тьма надежно скрывала свою тайну.

Внезапно на месте ужасной драмы появилось новое лицо — человек, почти копия первого, вошел через дверь напротив той, что вела в зал.

При виде распростертого на полу собрата глаза его сверкнули, и он тихо позвал: «Хикмек!», но тот даже не шевельнулся.

Тогда он быстро прошел к ковру, нагнулся и, впившись пальцами в поникшее плечо, перевернул тело на свое колено. Из груди его вырвался сдавленный крик: голова лежавшего безвольно откинулась, обнажив горло, рассеченное от уха до уха.

Человек выпустил труп, и тот упал на залитый кровью ковер. Воин вскочил, весь дрожа, словно лист на ветру. От страха лицо его стало пепельно-серым. И вдруг, уже готовый рвануться прочь от страшного места, он застыл, превратился в камень, как завороженный глядя округлившимися глазами в дальний конец комнаты.

Там, во мраке под галереей, затеплился огонек — быстро разгораясь, он ничем не походил на мерцание зеленых камней. Валерия почувствовала, как зашевелились волосы у нее на голове: едва видимый в пульсирующем свечении, по воздуху плыл череп, и казалось, прямо от черепа —

человеческого, но страшной, уродливой формы — исходит этот таинственный свет. Череп висел, как отсеченная голова, — возникший из ночи и тьмы, он на глазах обретал четкую форму... да, человеческий, но человека неведомой ей расы.

Воин стоял неподвижно — изваяние парализованного страхом, — не сводя глаз с жуткого видения. Вот череп качнулся от стены, и вместе с ним — неясная тень. Постепенно тень сгустилась и приобрела человеческие очертания; на обнаженном торсе и конечностях мертвенно-белым цветом проступали кости. Голый череп в ореоле сияния ухмылялся жуткой улыбкой мертвца, пустые глазницы насквозь пронзали живую, скованную страхом плоть. Воин не шелохнулся; меч, звякнув, выпал из онемевших пальцев, на лице застыла маска жертвы, обретенной на заклание силами Зла.

Валерия почувствовала, что не только страх парализует волю человека. В пульсирующем свечении присутствовало нечто сверхъестественное, неземное, что отнимало способность мыслить и действовать. Даже здесь, на галерее, будучи в полной безопасности, она, пусть и слегка, но поддалась воздействию зловещего, несущего угрозу разуму света.

Ужас, охвативший несчастную жертву, лишил ее последних сил; прижав ладони к глазам, человек рухнул на колени. Покорный неизбежной участи, он ждал удара клинка, мерцающего в руке видения — самой Смерти, занесшей над человеком свой меч.

Валерия, во власти первого порыва, поступила так, как ей подсказала ее изменчивая природа. Тигрицей перемахнув через перила, она как на подушечках опустилась за спиной призрака. От мягкого удара кожаных сапог о пол тот круто обернулся, но не успел сделать и шага; сверкнула разящая сталь — и волна ликования и гнева захлестнула девушку: вместо пустоты клинок встретил мясо и кости смертного!

Раздался вскрик, заглушенный гортанным бульканьем, и рассеченное от плеча до середины груди видение повалилось на пол; светящийся череп откатился в сторону, открыв копну черных прямых волос и смуглое лицо, искаженное предсмертной мукой. Под страшным балахоном оказался обычный человек, во многом схожий с тем, что на коленях дожидался смерти.

При звуке удара тот, словно смущившись, поднял голову и сейчас, пораженный, во все глаза смотрел на белокожую женщину, стоявшую над трупом с окровавленным мечом в руке.

Пошатываясь, он встал на ноги, что-то невнятно бормоча, — казалось, увиденное лишило его разума. К своему удивлению, Валерия все поняла:

слова были знакомы — человек говорил на стигийском языке, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда? Зачем ты в Ксухотле? — И вдруг слова хлынули из него, как вода из прорванной плотины: — Но ты же друг — богиня или демон — какая разница! От твоего меча пал сам Пылающий Череп! Под ним скрывался человек — кто мог подумать? А мы-то считали его за демона, которого они заклинаниями вызвали из катакомб! Тихо! Слышишь?

Он оборвал словесный поток и вновь застыл, с напряженным вниманием вслушиваясь в тишину. Валерия замерла — безмолвие царило во дворце.

— Надо торопиться! — горячо зашептал человек ей в ухо. — Они сейчас к западу от Большого зала! Это здесь! Быть может, уже крадутся сюда!

Воин сомкнул пальцы на ее запястье, она попробовала освободить руку — тщетно!

— Ты говоришь «они», кто это? — спросила девушка.

Он задержал на незнакомке взгляд, как бы удивляясь ее неосведомленности.

— «Они»? — он запнулся. — Ну, те — из Ксоталана. Ты только что убила одного из них. Те, что живут у Восточных ворот.

— Так, значит, город населен?! — воскликнула она.

— Да, да! — от нестерпимого желания поскорее покинуть опасное место воин извивался всем телом и едва не подпрыгивал. — Идем! Нам надо поскорей вернуться в Техултли!

— Где это?

— Район у Западных ворот! — И, крепче сжав руку девушки, он повлек ее к двери, через которую вошел пятью минутами раньше. Его смуглый лоб усеяли крупные капли пота, глаза от страха блестели.

— Стой! Подожди! — Валерия вырвала руку из его клещей. — Не прикасайся ко мне, или я раскрою тебе череп! Что все это значит? Кто ты? И куда меня тащишь?

Огромным усилием воли человек взял себя в руки и, бросая по сторонам испуганные взгляды, заговорил срывающимся голосом, но так быстро, что она с трудом разбирала слова:

— Меня зовут Техотл. Я сам из Техултли. Мы с этим парнем, что лежит с перерезанным горлом, прокрались в Зал тишины, надеясь подстеречь и убить кого-нибудь из ксоталанцев, и потеряли друг друга. Тогда я вернулся сюда, но увидел, что мой приятель лежит на ковре, уже мертвый. Я знаю, что это сделал Пылающий Череп, он бы и меня прирезал,

если бы ты его не убила. Но думаю, что он здесь не один. Наверняка из Ксоталана являются другие. Боги — и те бледнеют при виде участия несчастных, попавших в лапы ксоталанских зверей живыми.

От одной мысли об этом незнакомец задрожал как в лихорадке, смуглая кожа словно покрылась пепельным налетом. Нахмутив лоб, Валерия задумалась. За малопонятными фразами таилось что-то важное, но суть ускользала от нее.

Она повернулась к черепу — тот по-прежнему испускал пульсирующий свет

— и носком сапога потянулась было к нему, как вдруг человек, назвавшийся Техотлом, дико вскрикнув, прыгнул вперед.

— Не прикасайся! И не смотри на него! В нем — Безумие и Смерть! Только колдуны Ксоталана знают его тайну. Они нашли его в катакомбах среди останков жестоких королей, правивших Ксухотлом в мрачные дни прошлого, за сотни лет до нас. Тем, кто не познал великую тайну черепа, хватает взгляда на него, чтобы застыла в жилах кровь и затуманился разум. Раз прикоснувшись, человек сходит с ума и скоро угасает.

Валерия окинула воина недоверчивым взглядом. Худой и мускулистый, с сальными волосами, он не внушал доверия. В глазах наряду с огоньками затравленного зверя она уловила лихорадочный блеск — верный признак расстроенных нервов. И вместе с тем в его голосе звучало искреннее беспокойство.

— Пойдем! — чуть ли не жалобным тоном заговорил он и вновь потянулся к ее запястью, но вдруг, вспомнив угрозу, отдернул руку. — Ты не из здешних. Не знаю, как ты сюда попала, но будь ты богиня или демон, ты должна помочь Техултли. Там все узнаешь. Мне кажется, ты пришла из-за Большого леса — оттуда пришли наши предки. Но ты ведь друг, иначе не стала бы убивать нашего врага. Прошу тебя, поторопимся, пока ксоталанцы не обнаружили нас и не прирезали.

С неприятного, горящего нетерпением лица Техотла она перевела взгляд на череп — то едва тлевший, то снова разгоравшийся на плиточном полу возле трупа. Словно явившийся из ночного кошмара, во многом схожий с обычным, череп, однако, отличался каким-то особым зловещим уродством. При жизни его обладатель, должно быть, являл собой отталкивающий, даже страшный вид. При жизни? Ей почудилось, что череп продолжает жить какой-то своей, обособленной жизнью. Челюсти вдруг раздвинулись и с лязгом сомкнулись. Свечение усилилось, по черепу забегали живые огоньки, стало нарастать ощущение нереальности — да, это сон, тяжелый сон, вся жизнь всего лишь сон...

— Не смотри! Не смотри на череп! — донесся до нее, будто издалека, через пространство резкий голос Техотла. Пучина, едва не поглотившая ее разум, начала быстро рассеиваться.

Валерия встряхнулась, точно львица. Зрение прояснилось. А Техотл между тем продолжал:

— При жизни он носил в себе мозг ужасного короля магов! Он и сейчас живет, получая силы и колдовской огонь из царства Тьмы.

Исторгнув страшное проклятие, Валерия рванулась вперед. Прошелестело лезвие — и череп разлетелся на десятки горящих осколков.

Где-то то ли в глубине комнаты, то ли в отдалении, то ли в уголках ее сознания раздался животный рев боли и ярости.

Рука Техотла почтительно коснулась ее пальцев, сжимавших рукоять меча; его губы невнятно шептали:

— Ты разрубила Череп! Разрушила чары! И никакие заклинания ксotalанцев уже не смогут его воскресить! А теперь уходим. Быстро!

— Но я не могу, — возразила она. — У меня здесь неподалеку друг, и мы договорились, что...

Она осеклась, увидев, как страшно исказилось его лицо, как остановился взгляд, устремленный поверх ее плеча. Она круто повернулась и увидела четырех воинов: разом вбежав через четыре двери, те ринулись к двоим в середине комнаты.

Они ничем не отличались от других: такие же тощие, с узловатыми мускулами, те же прямые иссиня-черные волосы и тот же безумный огонь в широко раскрытых глазах. Одежда, оружие — все как у Техотла, с той лишь разницей, что на груди у всех был нарисован белый череп.

Не было ни вызова, ни боевого клича. Как жаждущие крови тигры, бросились ксotalанцы на врагов, горя желанием достать клинком до горла. Техотл встретил их с яростью обреченного. Уклонившись от палаша, он схватился с воином врукопашную, увлек на пол, где в полном молчании оба катались и рвали друг друга на части!

Тroe оставшихся, с глазами красными, как у бешеных собак, налетели на Валерию.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости ее меча, она убила сразу — не успел тот замахнуться, как упал с раскроенным черепом. Отбивая удар, она метнулась в сторону. Глаза девушки горели, на губах играла беспощадная улыбка. Вновь она была Валерией — воительницей из «Ватаги Красных братьев», и шелест длинного прямого меча звучал ей слаже свадебной песни.

Вот ее меч блеснул мимо вражеского клинка, прорвал защиту и,

вспоров дубленую кожу, на шесть дюймов погрузился в живот врага. Хватая ртом воздух, человек повалился на колени, но его рослый товарищ прыгнул вперед и с такой яростью стал наносить удар за ударом, что Валерия никак не могла выбрать момента, чтобы ответить. Она отступала, парируя удары, хладнокровно дожинаясь случая для решающего выпада. Все равно — этот стальной смерч долго не продлится. Рука устанет, ослабеет, ураган стихнет, и тогда она возьмет свое — вонзит клинок прямо в сердце. Валерия мельком увидела Техотла: оседлав врага, тот всеми силами пытался разжать мертвую хватку на своем запястье, чтобы всадить кинжал меж ребер ксоталанца.

Пот крупными каплями выступил на лбу нападавшего, глаза полыхали, как угли. Несмотря на яростный натиск, он не мог ни сломить, ни даже пробить оборону девушки. Но вот его дыхание стало прерывистым, удары — беспорядочными и уже не такими мощными. Она сделала шаг назад, вынуждая того сменить позицию, и вдруг почувствовала, как железные пальцы мертвой хваткой впились ей в бедро. Раненый на полу! Она совсем о нем забыла!

Привстав на колени, тот замкнул пальцы на ее ногах; его товарищ торжествующе заклекотал и начал пробираться по кругу, чтобы атаковать девушку слева. Она снова рванулась — все напрасно! Один удар вниз — и она освободилась бы от этих капканов, но в этот миг кривой клинок рослого воина раскроил бы ей череп. Вдруг левую ногу пронзила страшная боль: добравшись до бедра, раненый, точно дикий зверь, впился в живую плоть.

Свободной рукой Валерия схватила того за длинные волосы и оторвала от себя, так что пылающие ненавистью глаза взорвались на нее снизу вверх. Рослый ксоталанец, истогнув из груди яростный вопль, прыгнул вперед и что было сил обрушил на нее палаш. Она едва сумела отразить удар — плоской стороной меч ударил ее по голове, из глаз сыпнули искры, пол покачнулся. Вновь раздалось животное рычание, и вновь взметнулся меч, но внезапно за спиной ксоталанца выросла гигантская фигура, и молнией сверкнула сталь. Крик воина оборвался и, точно бык под топором, он повалился на пол — из раскроенного до горла черепа вывалились мозги.

— Конан! — только и выдохнула Валерия. Распаленная боем, она круто повернулась к раненому, ее сильная рука по-прежнему сжимала пучок его волос. — Умри, собака! — С тихим шелестом клинок очертил в воздухе дугу, и обезглавленное тело повалилось к ее ногам — из шеи струей била кровь. Отрубленную голову девушка зашвырнула в дальний

угол.

— Что тут еще стряслось? — Расставив ноги, варвар стоял над трупом убитого воина. Не опуская широкого меча, он обегал комнату изумленным взглядом. Стряхивая с кожи красные капли, Техотл поднялся с бьющегося в агонии последнего из четверки ксоталанцев. Глубокая рана на его бедре сочилась кровью. Широко раскрытыми глазами он уставился на Конана.

— Ну, скажет мне кто-нибудь? — снова потребовал объяснений варвар: оставив девушку на несколько минут, он меньше всего ожидал застать ее в гуще смертельной схватки с какими-то полупризраками в этом, как он считал, заброшенном, необитаемом городе. Обойдя наугад несколько комнат наверху, Конан вернулся туда, где ее оставил, и, не найдя на месте, встревожился. Шум внезапно вспыхнувшей схватки, от которого у варвара чуть не лопнули барабанные перепонки, подсказал, где следует искать его подругу.

— Пять псов за один бой! — Глаза Техотла засияли от восторга. — Целых пять мертвцов! Значит, в черный столб вобьют еще пять красных гвоздей! Хвала вам, боги крови!

Он простер дрожащие руки к потолку, но вдруг его лицо исказила злоба; он плонул на трупы и, не в силах сдержать переполнявшей его радости, начал отплясывать на мертвых телах отвратительный победный танец. Его недавние союзники в замешательстве взирали на это дикое зрелище. Наконец Конан спросил на аквилонском:

— Кто этот ненормальный?

Валерия пожала плечами:

— Его зовут Техотл. Из его бормотания я поняла, что его клан живет в одном конце этого города сумасшедших, а те, что убиты, — из враждующего клана, который занимает противоположную часть. Пожалуй, нам лучше пойти с ним. Сам видишь — в отличие от своих врагов, он к нам явно расположен.

Техотл уже не плясал на трупах: словно собака склонив голову набок, он напряженно вслушивался в незнакомую речь, его отталкивающие черты отражали происходящую в душе борьбу восторга от одержанной победы со страхом перед неизвестно откуда взявшимися чужаками.

— Прошу вас, идемте! — зашептал он. Мы сделали доброе дело. Пять мертвых псов! Мой народ с благодарностью примет вас. Вам окажут великие почести! Только, заклинаю богами, скорей! До Техултли не так уж близко. Что, если ксоталанцы нагрянут сюда целым отрядом? Тогда не помогут даже ваши мечи.

— Хорошо. Веди! — проворчал Конан.

Техотл не мешкая ступил на лестницу, ведущую на галерею, и кивнул чужакам, приглашая тех следовать за собой, что они и сделали. Быстро поднявшись на галерею, он выбрал дверь в западной стене. Замелькали бесчисленные комнаты — одна за другой, очень похожие, где свет давали мерцающие камни или окна, прорезанные в потолке.

— Как думаешь, куда мы попали? — едва слышно прошептала Валерия.

— Одному Кому известно! — ответил Конан. — Прежде я встречал таких людей — на побережье озера Эвад, почти у самой границы с Кушем. Скорее всего, нечистокровные стигийцы — помесь какой-то расы, пришедшей в Стигию много веков назад с востока и породнившейся с коренным населением. Там их называют тлацитланцами. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы они смогли построить такой город.

По мере удаления от комнаты с мертвецами страх Техотла не исчезал, наоборот — он становился все сильнее. Техултлинец беспрерывно вертел головой, пытаясь уловить звуки возможной погони, и напряженно вглядывался в каждый дверной проем, мимо которых бесшумно скользили их тени.

Несмотря на сильный характер, Валерия не могла справиться с охватившей тело дрожью. Она никогда ничего не боялась, но полыхающий красным пол под ногами, мерцающие камни над головой, где их зеленый свет перемежался с черными тенями, крадущаяся поступь их до смерти перепуганного проводника — все это наполняло ее душу неясным мрачным предчувствием, ощущением затаившейся где-то proximity опасности.

— Они могут поджидать нас на пути в Техултли! — предупредил Техотл. — Надо соблюдать осторожность, чтобы не угодить в засаду!

— Но почему бы нам не выбраться из этого проклятого дворца на улицу?

— раздраженно спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц, — ответил проводник, — нет ни площадей, ни открытых дворов. Весь город построен как один огромный дворец под одной крышей. Единственное, что как-то напоминает улицу, — так это большой зал, протянувшийся от Северных до Южных ворот. И выйти из города можно только через ворота, хотя... — он замялся, — вот уже пятьдесят лет, как ими никто не пользовался.

— Сколько времени вы здесь живете? — спросил Конан.

— Я родился в замке Техултли тридцать пять лет назад и ни разу не ступал за пределы города. Во имя богов, ступайте тише! Эти залы могут быть битком набиты врагами! Вот доберемся до места, там Ольмек сам все

вам расскажет.

И в полной тишине, ступая по пылающему полу под мерное мигание зеленых огней, они двигались дальше, пока Валерии не начало казаться, что они пробираются покоями царства Теней, ведомые темнокожим длинноволосым гоблином.

Однако рядом был Конан — он напомнил о себе, остановив маленький отряд, когда они пересекали необычайно широкую комнату. По натуре Конан оставался варваром и потому обладал слухом дикаря, гораздо более острым, чем слух Техотла, хотя тот и был отточен в молчаливых коридорах дворца за время войны длиною в жизнь.

— Ты думаешь, мы можем напороться на твоих врагов?

— Они круглые сутки рыщут по этим комнатам... мы тоже сюда наведываемся. Залы и комнаты между Техултли и Ксоталаном — это пограничная территория, она ничья. Мы называем ее Залами Тишины. А почему ты спросил?

— Потому что в комнатах впереди затаились воины: я слышал звяканье стали о камень.

И снова Техотл задрожал с головы до пят, ему даже пришлось крепко скать зубы, чтобы не выдать их стуком себя и чужаков.

— А вдруг это твои друзья? — предположила Валерия.

— Лучше не рисковать, — выдохнул он. С поразительной быстротой техултлинец свернулся в сторону и растворился в дверном проеме левой стены, за ней оказалась комната, откуда вниз, прямо в кромешный мрак, вела винтовая лестница со ступеньками цвета слоновой кости.

— Она ведет в темный коридор под нами! — прошелестел голос проводника, на его лбу бисеринками блестели капли пота. — Нас могут подстерегать и там. Может быть, это все подстроено нарочно, чтобы заманить нас туда. Но если в верхних комнатах действительно засада, то это — наш единственный шанс. За мной, быстро!

Двигаясь неслышно, точно призраки, они спустились по ступеням и вышли к черной дыре — входу в коридор. На миг задержались, прислушиваясь, потом растянули во мраке. Уже через несколько шагов у Валерии по коже поползли мурашки: ей каждую секунду казалось, что еще миг — и в ее тело войдет вражеский клинок. Если бы не железные пальцы Конана, сжимавшие ее запястье, разум захлестнуло бы чувство полного одиночества. Кошка, ступающая на бархатные подушечки своих лап, произвела бы больший шум, чем эти трое. Тьма была — хоть глаз выколи. Пальцами вытянутой руки девушка скользила по стене, иногда вместо камня встречая пустоту проема. Казалось, коридору не будет конца.

Внезапно все трое замерли, затаив дыхание: за их спинами послышался слабый звук. Валерия узнала его, и по ее спине волной пробежал холодок — в темноте чья-то рука осторожно открывала дверь. В коридор входили люди. И словно отвечая на немой вопрос, под ноги попалось что-то круглое, похожее на человеческий череп. Она запнулась — и предмет с ужасным стуком покатился по коридору.

— Бежим! — взвизгнул Техотл вне себя от страха, рванувшись вперед с прытью летающего привидения. Конан, как всегда, был рядом: схватив Валерию под мышку, он увлек ее за собой вслед за проводником. В темноте варвар видел не лучше девушки, но чутье дикаря подсказывало ему верный путь. Без его поддержки одна она давно упала бы или налетела на стену. Они мчались по коридору, а за их спинами — все ближе и ближе — топот десятка ног по коридору. Техотл крикнул:

— Вот она — лестница! За мной!

Валерия едва не оступилась во тьме, но невидимая рука удержала ее. Вновь на запястье пальцы — уже проводника, ее куда-то тащат, почти несут — кругами, вверх по бесконечной лестнице.

Выпустив девушку, Конан повернулся для отпора; его инстинкты, слух подсказывали — враги близко. Вдруг он весь подобрался: к топоту человеческих ног примешивались иные, непонятные звуки.

Казалось, что-то извиваясь ползло вверх по ступеням — что-то скользкое, шуршащее, от одной близости которого стыла кровь в жилах. Конан с силой опустил огромный меч и почувствовал, как сталь, разрубив податливое тело — похоже, что живую плоть, — глубоко вошла в ступеньку лестницы. Его ног словно коснулся кусок льда, затем послышались точно тяжелые удары плети, и в воздух взвился предсмертный вопль человека.

В следующий миг Конан уже мчался вверх по винтовой лестнице. Но наконец ступеньки кончились, и он влетел в открытую дверь — Валерия и Техотл уже ждали его. Проводник тут же захлопнул дверь и наложил засов — первый увиденный Конаном после засова на городских воротах.

Покончив с дверью, Техотл помчался к стене напротив. В этой комнате было довольно света. Готовый нырнуть вслед за ним в темный проем, Конан оглянулся: под мощными, яростными ударами запертая дверь стонала и вся ходила ходуном.

Хотя Техотл по-прежнему не умерял ни прыти, ни осторожности, он чувствовал себя явно увереннее. У него был вид человека, добрашегося до знакомых мест, где по его первому зову на выручку придут друзья.

Но Конан своим вопросом вновь поверг его в ужас.

— Что это за тварь была там, на лестнице? — небрежно бросил на

бегу варвар.

— Люди из Ксоталана, — не оглядываясь, быстро ответил проводник. — Я говорил: залы прямо кишат ими.

— То был не человек, — возразил варвар. — Тварь ползает и холодна как лед. Похоже, я чуть не рассек ее надвое. Скорее всего, она упала на наших преследователей и в ярости убила одного из них.

Голова Техотла откинулась назад; лицо вновь посерело, ноги невольно заработали быстрее.

— Это был Ледяной Змей! Чудовище, которое они своими заклинаниями вызвали из подземных катакомб себе в помощь. Какой он с виду, мы не знаем, но только много раз находили трупы наших, которых он подстерег во тьме. Во имя Сета — поторопимся! Если его пустят по нашему следу, он не отстанет до самых ворот в Техултли!

— Навряд ли, — проворчал Конан. — Слишком серьезную рану он получил от меня на лестнице.

— Быстрей! Быстрей! — только и простонал Техотл.

Они пробежали через несколько комнат, полных зеленого сумрака, пересекли широкий зал и остановились перед огромной бронзовой дверью.

Техотл облегченно вздохнул:

— Наконец-то! Техултли!

3. НАРОД, ПИТАЕМЫЙ ВРАЖДОЙ

Техотл постучал кулаком по двери и сразу повернулся, чтобы не терять из виду зал.

— Случалось, наших убивали у самой двери, когда они успокаивались, полагая, что находятся в полной безопасности, — сказал он.

— Почему нам не открывают? — Конан недовольно нахмурился.

— Они сейчас рассматривают нас через Око, — ответил Техотл. — Должно быть, их смущает ваш вид. — И уже громче: — Экселан! Откроешь ты или нет? Это же я — Техотл, а со мной друзья из большого мира за лесом!.. Они откроют, обязательно откроют! — успокоил он своих спутников.

— Не мешало бы им поторопиться, — мрачно изрек Конан. — Я слышу, как что-то ползет по полу комнаты, выходящей в зал.

Техотл снова подернулся пеплом и обрушил на дверь целый каскад ударов.

— Открывайте, олухи несчастные! — завопил он. — Ледяной Змей ползет за нами по пятам!

Он еще молотил кулаками по бронзе, как дверь бесшумно отворилась вовнутрь, и их глазам предстала тяжелая цепь, натянутая поперек проема, поверх которой ощетинились острия копий; глаза воинов секунду ощупывали нежданых гостей колючим взглядом. Наконец цепь упала, и Техотл, неистово сжав руки своих друзей, почти силком перевел их через порог. Дверь уже закрывалась, когда Конан, бросив взгляд через плечо, увидел в дальнем конце темного зала неясные очертания огромной змеи: словно нескончаемый поток мерзкой слизи, судорожно извиваясь, рептилия медленно выползала из противоположного проема, отвратительная голова в красных пятнах бессмысленно раскачивалась из стороны в сторону... Дверь закрылась, и жуткое видение исчезло.

Они стояли в квадратной комнате, напоминавшей небольшую площадь. Поперек двери вновь наложили засовы и навесили цепь. Все сооружение было прекрасно продумано и могло бы устоять перед любым натиском. Вокруг стояло четверо человек стражи — такие же темнокожие и черноволосые, как и их проводник, у каждого в руке — копье, у бедра — меч. В стене у входа Конан заметил сложное приспособление из нескольких зеркал — как видно, то самое Око, о котором упоминал Техотл; зеркала были установлены таким образом, чтобы через вставленный в

узкую прорезь плоский кристалл можно было, не обнаруживая себя, видеть все, что происходит снаружи. Четверо стражников в изумлении смотрели на незнакомцев, однако вопросов не задавали, а Техотл не считал нужным давать им какие-либо объяснения. Он двигался с небрежной уверенностью, словно в тот миг, когда шагнул через порог, разом сбросил с себя путы страха и нерешительности.

— Пошли! — отрывисто бросил он недавно обретенным друзьям.

Конан с сомнением посмотрел на засовы.

— А как насчет парней, которые нас преследовали? Что, если они вздумают сломать дверь?

Техотл замотал головой.

— Они прекрасно знают, что невозможно взломать дверь Орла. И теперь хочешь — не хочешь, а придется им вместе со своим ползучим гадом убираться в Ксotalан. Пошли! Я проведу вас к правителям Техултли.

Один из стражников открыл дверь в стене напротив бронзовой, и они ступили в длинный зал, который, как и большинство комнат этого яруса, был освещен гроздьями мигающих зеленых камней и слабыми дневными лучами, падавшими сквозь узкие щели-окна в потолке. Однако в отличие от бесчисленных комнат, увиденных за этот долгий день, зал носил на себе следы обитания. Вышитые по бархату рисунки украшали глянцевые стены из жадеита, толстые ковры устилали алый пол, а на сиденья, скамьи и диваны были положены сатиновые подушки.

Зал оканчивался дверью с витиеватой резьбой, стражи перед ней не было. Техотл бесцеремонно толкнул дверь и ввел друзей в просторную комнату. Стоило им появиться, как человек тридцать мужчин и женщин с изумленными возгласами повскакивали со скамей и кушеток.

Все, кроме одного, принадлежали к расе Техотла; женщины — такие же темнокожие, с тем же блеском в глазах — были, однако, по-своему красивы какой-то сумрачной, полумистической красотой. На груди все носили сандаловые вызолоченные пластинки, короткая шелковая юбка, которую удерживал усыпанный камнями пояс, не скрывала правильной линии бедер, а черная грива волос, грубо обрезанная у обнаженных плеч, была схвачена серебряным обручем.

На широком, из слоновой кости сиденьи, установленном на массивном возвышении, сидели двое — мужчина и женщина, по виду несколько отличавшиеся от остальных. Он — настоящий гигант: невероятной ширины в плечах и с огромной, как у быка, грудной клеткой. Густая иссиня-черная борода ниспадала почти до пояса. Свободная одежда из пурпурного шелка при малейшем движении переливалась всеми

оттенками крови, а рукав, упавший к локтю, обнажил руку в буграх мускулов. Лента, вся в сверкающих каменьях, стягивала того же цвета густые локоны.

При виде чужаков женщина, слабо вскрикнув, вскочила на ноги; ее изумленный взгляд, скользнув по Конану, остановился на Валерии, глаза со жгучим интересом рассматривали незнакомку. Высокого роста, гибкая и стройная, она, несомненно, была самой красивой женщиной из всех, присутствующих в зале. Одежды на ней было еще меньше, чем на других: вместо юбки — широкая полоса пурпурной с золотой нитью ткани, продетая под ремнем, концы которой едва достигали колен. Другая полоса, продетая со спины, довершала эту часть ее наряда, который она носила с невозмутимым бесстыдством. Нагрудные пластинки и обруч у висков украшала россыпь драгоценных камней. И было еще нечто, что отличало ее от темнокожих представительниц племени Техотла: в глазах женщины Конан не заметил блеска сумасшествия. После невольного вскрика она так и не произнесла ни слова, лишь стояла, вся подобравшись, скав пальцы в кулаки, пристально глядя на Валерию.

Мужчина не поднялся.

— Принц Ольмек! — в низком поклоне, ладонями вверх Техотл простер к трону руки. — Я привел к тебе союзников. Они пришли к нам из мира по другую сторону леса. В комнате Техоти моего друга Хикмека убил Пылающий Череп.

— Пылающий Череп! — прокатился по рядам техултлинцев судорожный шепоток.

— Да-да! Потом в ту комнату вошел я и увидел Хикмека на полу с перерезанным горлом. Не успел я убежать, как из стены выплыл Пылающий Череп. Я взглянул на него — и кровь застыла в жилах, леденящий холод пробрал меня до мозга костей. Я уже не мог ни бежать, ни биться, а только стоял и покорно ждал смертельного удара. И вдруг откуда ни возьмись появилась эта белокожая женщина и сразила его одним ударом меча! О милосердный Сет! Оказывается, под видом призрака скрывался ксоталанский пес! белой краской он намалевал у себя на коже кости, а на голову надел живой череп древнего колдуна! сейчас этот череп валяется там, разрубленный на куски, а пес, что таскал его на голове, — уже мертвец!

Лицо рассказчика раскраснелось, в глазах заплясали безумные огоньки, от восторга его голос срывался на крик. Среди слушателей раздались приглушенные проклятия и возгласы удивления.

— Погодите! — воскликнул Техотл. Это еще не все! Только я успел

переброситься с ней несколькими словами, как на нас напали четверо ксоталанцев. Одного я убил, и рана на бедре — памятка о том отчаянном поединке. Двоих убила женщина. Но в самый разгар боя, когда нам пришлось особенно тugo, в схватку вступил ее товарищ и раскроил голову четвертого врага. О! Пять красных гвоздей — вот наше подношение к столбу мести!

Он указал на эбеновый столб, высившийся за пьедесталом. На черной поверхности виднелись сотни алых точек — шляпки гвоздей, вбитых в дерево.

— Пять красных гвоздей — жизни пяти ксоталанцев! — отчеканил Техотл, и в диком восторге, охватившем толпу, потонули остатки разума этих людей.

— Кто они? — Голос Ольмека — низкий и глубокий — походил на отдаленный рев быка. Никто их жителей Ксухотла не говорил в полный голос. Казалось, они с молоком матери впитали в себя тишину пустых залов и заброшенных комнат.

— Я Конан-киммериец, — отрывисто бросил варвар. — Со мной — Валерия из «Ватаги Красных братьев», пиратов из Аквилонии. Мы бежали из боевого отряда, стоящего на рубеже с Дарфаром далеко к северу отсюда, и сейчас пробираемся к побережью.

Заговорила женщина — необычайно громко, в спешке коверкая слова:

— Вам никогда не добраться до побережья! Из Ксухотла нет выхода. Остаток жизни вы проведете в этом городе!

— Что такое?! — зарычал Конан, кладя руку на эфес меча и поворачиваясь так, чтобы держать в поле зрения всех — и толпу и трон. — Уж не хотите ли сказать, что мы пленники?

— Вы нас не поняли, — вмешался Ольмек. — Мы — ваши друзья. Мы не станем удерживать против воли. Но, боюсь, есть обстоятельства, которые помешают вам покинуть Ксухотл.

Он глянул на Валерию и быстро опустил глаза.

— Эта женщина, — сказал он, — зовется Таскела, она княгиня народа Техултли. А теперь подайте нашим гостям еду и питье — без сомнения, они голодны после дальней дороги.

И он указал на стол из слоновой кости. Наши искатели приключений обменялись взглядами и сели за стол. Киммериец был полон подозрений: его суровые голубые глаза неустанно шныряли по залу, а меч был под рукой. Тем не менее от угощения и выпивки он редко отказывался.

И все сильнее притягивала его взгляд Таскела, хотя сама она упорно продолжала рассматривать белотелую спутницу Конана.

Техотл забинтовал свою рану куском шелка и тоже уселся за стол, чтобы ухаживать за своими новыми друзьями. Он внимательно рассматривал всякое блюдо или напиток и все пробовал сам, прежде чем подать гостям. Пока они подкреплялись, Ольмек в молчании глядел на них из-под густых черных бровей. Рядом, уперев подбородок в ладони, сидела Таскела. Ее черные загадочные глаза, наполненные странным светом, ни на минуту не отрывались от гибкой фигуры Валерии. Позади трона красивая, но мрачная девица медленно качала опахалом из страусиных перьев.

На закуску подали причудливые плоды, неизвестные путешественникам, но вкусные. Легкое красное вино также имело особый острый привкус.

— Вы пришли издалека, — сказал наконец Ольмек. — Я читал книги наших отцов. Аквилония лежит еще дальше, чем земли стигийцев и шемитов, за королевствами Аргос и Зингара, а Киммерия еще дальше, чем Аквилония.

— Уж такие мы с ней бродяги, — беспечно сказал Конан.

— Но вот как вам удалось пройти через лес — понять не могу, — продолжал Ольмек. — В давние времена несколько тысяч воинов едва сумели преодолеть все лесные опасности.

— Правду сказать, нам попалось одно коротконогое страшилище чуть побольше слона, — равнодушно сказал Конан, протягивая кубок, который Техотл наполнил с видимым удовольствием. — Но его убили, и больше никаких неприятностей не было.

Графин с вином выпал из рук Техотла и разбился об пол. Он снова побледнел. Ольмек вскочил, все остальные в испуге и удивлении глядели друг на друга. Некоторые опустились на колени. Только Таскела была равнодушна — Конан с удивлением отметил это.

— В чем дело? — спросил он. — Что вы на меня уставились?

— Ты... Ты убил бога-дракона?

— Бога? Дракона убил, конечно. А что, нельзя? Ведь он же собирался нас сожрать.

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек. — Можно победить подобного себе, но никогда еще ни один человек не убивал дракона. Тысячи воинов, которых наши отцы вели в Ксухотл, не могли с ними справиться! Мечи ломались об их чешую, как щепки!

— Вот если бы ваши предки догадались вымочить копья в ядовитом соке яблок Деркето, — набив рот, учил Конан, — а потом воткнули бы в драконий глаз или пасть, то быстро бы убедились, что драконы не более

бессмертны, чем всякое другое ходячее мясо. Дохлятина эта лежит на самом краю леса. Если не верите — сходите и посмотрите.

Ольмек глядел на него с великим удивлением.

— Именно из-за драконов наши предки укрылись в Ксухотле, — сказал он.

— Они не решились пересечь равнину и снова углубляться в джунгли. Но и без того десятки их погибли в пасти чудовищ, прежде чем дойти до города.

— Значит, это не ваши предки звели Ксухотл? — спросила Валерия.

— Он был уже совсем древний, когда мы впервые пришли сюда. И даже его выродившиеся жители не знали, сколько лет он простоял.

— Твой народ пришел сюда с озера Зуад? — спросил Конан.

— Да. Больше полувека тому назад племя Тлацитлан восстало против стигийского короля и, потерпев поражение, бежало на юг. Долгие недели шли они через саванны, холмы и пустыни, пока не вступили в огромный лес. Шли тысячи воинов с женами и детьми.

И в этом лесу напали на них драконы, и многих разорвали на куски. И народ бежал в страхе перед ними до самой равнины, посередине которой стоял город Ксухотл.

Они встали лагерем под стенами, не решаясь покинуть равнину, ибо из леса доносились звуки междуусобной битвы чудовищ. Но на равнину они не выходили.

Обитатели города закрыли ворота и осыпали нас стрелами со стен. И эта равнина стала тюрьмой племени Тлацитлан, потому что возвращение через джунгли было бы безумием.

И в первую же ночь в лагерь тайком явился раб из города, человек здешней крови. В молодости он вместе со своим отрядом заблудился в лесу и всех, кроме него, сожрали драконы. В город его пустили, но сделали рабом. Звали его Толькемек.

Глаза его загорелись при звуках этого имени, а многие в зале принялись плеваться и бормотать проклятия.

— Он пообещал нашим воинам открыть ворота, а взамен подарить ему всех, кого возьмут в городе живьем.

Перед рассветом он открыл ворота. Воины хлынули внутрь, и залы Ксухотла залились кровью. В городе жило лишь несколько сотен людей, жалкие остатки великого народа. Толькемек говорил, что они пришли сюда давным-давно, из Старой Косалы, когда предки тех, что населяют Косалу ныне, вторглись с юга и прогнали тогдашних жителей. Они долго шли на запад, пока не нашли эту окруженную лесами равнину, населенную

племенем черных.

Негров они обратили в рабство и стали возводить город. В восточных горах они добывали и яшму, и мрамор, и ляпис-лазурь, и серебро, и золото, и медь. Истребили слоновьи стада ради клыков. Когда строительство было закончено, всех рабов перебили. Их волшебники укрепили безопасность города с помощью своей чудовищной магии: они воскресили драконов, что некогда населяли эти места и чьи кости можно найти в джунглях. Они одели эти кости плотью и вдохнули в них жизнь, и чудовища снова пошли по земле, как во времена, когда мир был молод. Но заклятие магов держало их в лесу, не пуская на равнину.

Много столетий жил народ Ксухотла в своем городе, обрабатывая поля за стенами, покуда мудрецы не научились выращивать овощи, которые вовсе не требуют почвы и черпают все необходимое прямо из воздуха. Так высохли оросительные каналы, и так началось разложение общества. Они уже были вымирающей расой, когда наши предки прорубились сквозь джунгли на равнину. Великие волшебники к тому времени были уже мертвые, а их заклинания забыты. Они не смогли противопоставить нам ни магию, ни меч.

И наши предки перебили их, оставив около сотни для Толькемека, бывшего некогда рабом. Много дней и ночей разносились по городу их вопли и стоны...

Некоторое время племя Тлацитлан жило в мире и покое под началом двух братьев — Техултли и Ксotalана совместно с Толькемеком. Он к тому времени женился на девушке из наших. Мы были благодарны ему за открытые ворота. Кроме того, он знал места, где спрятаны были сокровища. Потому и делил власть с братьями.

Так проходили мирные годы. Мы только ели, пили, любили друг друга и воспитывали детей. Обрабатывать поля было не нужно, ибо Толькемек научил нас искусству выращивать плоды и овощи без земли. Кроме того, падение города и гибель его прежних жителей уничтожили силу заклинания, которое удерживало драконов в лесу. По ночам эти твари бродили у самых ворот и страшно завывали.

Вся равнина была залита кровью после их схваток, и вот тогда...

Он прикусил язык на полуслове, но сразу же продолжил рассказ. Но Конан и Валерия поняли — он пропустил что-то, чего они не должны были знать.

— Пять лет продолжался мир. А потом... — взгляд Ольмека на какое-то мгновение коснулся сидящей рядом с ним женщины. — А потом Ксotalан взял в жены женщину, о которой мечтали и Техултли, и старый

Толькемек. И вот безумный Техултли похитил ее, а Толькемек помогал ему, желая досадить Ксоталану. Тот потребовал, чтобы ему возвратили жену, но совет племени решил, что выбор остается за женщиной. Она решила остаться с Техултли. Разгневанный Ксоталан попытался отбить ее силой, и телохранители обоих братьев схватились в Большом Зале.

Пролилась кровь с обеих сторон. Спор перешел во вражду, вражда — в открытую войну. На три части разделилось племя в дни этой смуты. Еще раньше, в мирные дни, город был поделен властителями между собой. Техултли занимал западную часть, Ксоталан восточную, Толькемек — в районе южных ворот. Так образовались три военных лагеря.

Злоба, ненависть и ревность породили кровь, насилие и убийство. Раз извлеченный, меч не мог уже вернуться в ножны. Техултли враждовал с Ксоталаном, а Толькемек помогал то одному, то другому, предавая, когда ему было это выгодно. В конце концов Техултли и его народ отступили к западным воротам, где мы живем и теперь. Ксухотл имеет форму овала. Техултли, территория, взявшая имя от своего князя, занимает западную часть этого овала. Мы замуровали все проходы, соединяющие этот квартал с остальным городом, оставив лишь по одной двери на каждом этаже. Потом народ Техултли спустился в подземелья и стеной отделил их западную часть. И стал жить, как в осажденной крепости, деля вылазки против врага.

И люди Ксоталана в восточной части города поступили таким же образом, и люди Толькемека в южной. Центр города остался ничьим и не заселенным. И стали эти пустые залы и комнаты полем сражения и местом вечного страха.

Толькемек повел войну с обоими кланами. Он был куда страшней Ксоталана — истинный демон в человечьем обличье. Ему были ведомы многие тайны города и он никогда не открывал их пришельцам. Путешествуя по тайникам и подземельям, он украл у мертвых их страшные секреты, секреты древних повелителей и магов, О которых забыли даже перебитые нашими предками выродки. Но вся его магия оказалась бессильной в ту памятную ночь, когда мы взяли его укрепления и перебили всех его сторонников. А самого обрекли на долгую, долгую пытку.

Голос Ольмека перешел в нежный шепот, и в глазах засияла такая радость, точно он видел эту сцену перед собой и она доставляла ему неслыханное наслаждение.

— Ах, мы поддерживали в нем жизнь, так что он мечтал о смерти, как о любимой жене. А потом взяли еще одного живого из камеры пыток и бросили в подземелье — пусть де крысы обгладывают его кости. Но он

умудрился сбежать из своей темницы в подземные коридоры. Без сомнения, он сгинул там, поскольку единственный выход оттуда ведет в Техултли, и оттуда с тех пор никто не выходил. Даже костей его не нашли, и поэтому самые темные и суеверные в нашем народе утверждают, что дух его все еще блуждает в подземельях, завывая среди скелетов. Люди Толькемека были вырезаны двенадцать лет тому назад, но продолжается и все более яростной становится война между Техултли и Ксоталаном, и кончится лишь тогда, когда падут последний мужчина и последняя женщина.

Полвека назад украл Техултли жену Ксоталана. Полвека длится вражда. Я появился на свет в самый разгар войны, как и все прочие в этом зале, не считая Таскелы. И, думаю, умрем раньше, чем она закончится.

Мы погибающий народ — как и те несчастные жители Ксухотла. Когда началась война, нас были сотни с каждой стороны. А теперь весь народ Техултли перед тобой — кроме тех, что стерегут ворота. Сорок человек — вот и весь клан. Сколько ксоталанцев, мы не знаем. Вряд ли намного больше. За последние пятнадцать лет у нас не родилось ни одного ребенка, у наших врагов тоже.

Мы погибаем, но, прежде чем исчезнуть окончательно, зарежем столько ксоталанцев, сколько дозволят боги.

И долго еще рассказывал Ольмек с безумно блестящими глазами об этой ужасной войне, что велась в тихих комнатах и мрачных залах при свете зеленых кристаллов на плитах, пылавших адским огнем, которые время от времени становились еще краснее. Целое поколение погибло в этих лужах крови. Давно был мертв Ксоталан, зарубленный в жестокой битве на лестнице из слоновой кости. И Техултли не было в живых — разъяренные ксоталанцы поймали его и сняли с него кожу.

Без всякого волнения повествовал Ольмек о страшных сражениях в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, о чудовищной резне. Все более яркий красный огонь разгорался в его темных бездонных глазах, когда он рассказывал о людях, с которых живьем снимали кожу, о разрубленных и разорванных на части, о пленниках, жутко воющих в камерах пыток. И так было это отвратительно, что даже видавшему виды варвару-киммерийцу стало тошно. Неудивительно, что Техотл трялся от страха, что враги его поймают! Но все-таки решился на вылазку — значит, ненависть в них сильнее страха.

А Ольмек продолжал рассказ о делах страшных и таинственных, о чарах и заклинаниях, похищенных в черной бездне катакомб, о необыкновенных существах, вызванных врагами из темноты для ужасного

союза. Здесь у ксоталанцев было преимущество — именно под их владениями покоились останки самых могущественных чародеев древнего Ксухотла и вместе с ними — их бессмертные секреты.

Валерия слушала все это, и ее охватывал ужас. Вражда стала той руководящей и направляющей силой, которая неустанно толкала народ Ксухотла к окончательной гибели. Вражда была смыслом всей их жизни. Во вражде приходили они на свет, а, покидая его, верили, что она будет продолжаться и после их смерти. Они оставляли свою крепость и пробирались в Залы Молчания только для того, чтобы убивать и быть убитыми. Иногда они возвращались из похода, ведя обезумевших пленников или принося кровавые трофеи победителей. Иногда не возвращались вовсе, и тогда вражеские руки перебрасывали их рассеченные тела через бронзовые ворота.

Жуткую, неестественную, чудовищную жизнь вели эти люди, отрезанные от остального мира, заключенные в одну клетку, словно крысы, только и годные для того, чтобы нападать, калечить и убивать.

Во время речи Ольмека Валерия постоянно чувствовала на себе неотступный взгляд Таскелы. Казалось, она не слышит бородатого гиганта. Все эти победы и поражения ее словно бы и не касались, и это казалось Валерии еще более страшным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— И мы не можем покинуть город, — говорил Ольмек. — Вот уже пятьдесят лет никто не покидал его, кроме... — он снова оборвал себя, и через минуту продолжил:

— Даже если бы и не было никаких драконов, мы, рожденные и выросшие в городе, не осмелимся его оставить. Никогда не было ноги нашей за стенами. Мы не привыкли к открытому пространству и солнечному свету. Нет — в Ксухотле мы родились, здесь и умрем!

— Ну что ж, — сказал Конан. — С вашего позволения, мы лучше поиграем в жмурки с драконами. Ваша война нас не касается. Когда вы покажете нам дорогу к западным воротам, мы отправимся в путь.

Таскела стиснула кулаки и начала что-то говорить, но Ольмек прервал ее:

— Приближается ночь. Если вы окажетесь на равнине ночью, то наверняка попадете в лапы драконов.

— Мы уже шли по равнине ночью и даже спали на вольном воздухе, но никого не встретили — заметил Конан.

Таскела мрачно улыбнулась:

— Вы не посмеете покинуть Ксухотл!

Конан посмотрел на нее с инстинктивной неприязнью: уж очень ему

не понравилось внимание княгини к Валерии.

— Думаю, что посмеют, — сказал Ольмек. — Но, Конан и Валерия, вас же послали сами боги, чтобы последняя победа была за Техултли! Война — ваше ремесло, так почему вам не сражаться на нашей стороне? Богатство у нас накоплено сверх меры — драгоценные камни в Ксухотле такое же обычное дело, как бульжники в других городах. Некоторые привезены еще древними, а огненные кристаллы добыты в восточных горах. Поможете нам одолеть ксоталанцев — и берите, сколько унесете!

— А вы поможете нам уничтожить драконов? — спросила Валерия. — тридцать воинов с луками и отравленными стрелами сумеют истребить всех гадов в лесу.

— Да! — не задумываясь согласился Ольмек. — Мы, правда, за годы рукопашных боев разучились стрелять из лука, но можем возродить это искусство.

— Что ты на это скажешь? — обратилась Валерия к Конану.

— Мы бродим без гроша за душой, — ухмыльнулся киммериец. — А по мне — что ксоталанцев резать, что кого другого...

— Так вы согласны? — вскричал Ольмек, а Техотл от радости захлопал в ладоши.

— Идет. А теперь не будете ли вы любезны показать нам комнаты, подходящие для отдыха, чтобы утром со свежими силами приняться за убийства?

Ольмек согласно кивнул и сделал знак рукой. Техотл и одна из женщин повели наемников по коридору, который начинался по левую сторону от яшмового постамента. Валерия оглянулась и увидела, что Ольмек со своего трона провожает ее долгим и странным взглядом. Таскела шептала что-то своей угрюмой служанке, Ясале, которая приблизила ухо к самым губам княгини.

Коридор был неширокий, но длинный. В конце концов женщина остановилась, открыла дверь и жестом пригласила Валерию в ее комнату.

— Постойте! — заворчал Конан. — А я где буду спать?

Техотл указал на комнату с другой стороны коридора, на одну дверь дальше. Конан некоторое время колебался, собираясь, видимо, что-то сказать

— но Валерия опередила его: злорадно улыбнувшись, она захлопнула дверь у него перед носом. Он пробормотал что-то неодобрительное о прекрасной половине рода человеческого и пошел за Техотлом.

В разукрашенной комнате он огляделся и посмотрел вверх. Некоторые из светильников в потолке были так велики, что, если вышибить из них

стекла, туда мог пролезть человек. Правда, только худенький.

— Почему же ксоталанцы не пройдут по крыше и не разобьют этих стекол?

— Разбить их невозможно, — ответил Техотл. — Кроме того, не так-то легко забраться на крышу. Там сплошные купола, башни и крутые скаты.

И, не дожидаясь дальнейших вопросов, объяснил Конану устройство «крепости» Техултли. Как и во всем городе, здесь было четыре этажа. Каждый имел свое название, словно улицы в обычном городе: этажи Орла, Обезьяны, Тигра и Змеи.

— Кто такая Таскела? — спросил Конан. — супруга Ольмека?

Техотл задрожал и испуганно огляделся.

— Нет. Это... словом, это Таскела. Она была женой Ксоталана — той самой, которую похитил Техултли. Из-за нее началась эта война.

— Что ты несешь? Она же молода и прекрасна. И ты хочешь сказать, что полвека назад она уже была замужем?

— Именно так! Клянусь! Она была взрослой девушкой, когда племя Тлацитлан ушло от озера Зуад. Король Стигии потребовал ее в свой гарем, поэтому Ксоталан с братом и подняли мятеж! Она колдунья и знает секрет вечной молодости.

— Что за секрет? — спросил Конан.

Техотл снова задрожал.

— Об этом меня не спрашивай. Я не смею говорить. Это слишком страшно, даже для этого города!

И, держа палец на губах, выскользнул из комнаты.

4. ЗАПАХ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия отстегнула пояс с мечом и бросила его на постель. Она заметила двери, закрытые на засов и спросила проводницу, куда они ведут.

— Эти, — сказала женщина, указывая налево и направо, — ведут в соседние комнаты. А вон та, — она показала на дверь, обитую медью, — в зал, из которого лестница идет в катакомбы. Но ты не бойся, здесь тебе ничего не грозит.

— Кто говорит о страхе? — возмутилась Валерия. — Просто я хочу знать, в каком порту бросаю якорь. Нет, я вовсе не желаю, чтобы ты спала у меня в ногах. Я не привыкла к служанкам — во всяком случае, женского пола. Ты свободна.

Оставшись одна, Валерия задвинула все засовы, сбросила сапоги и удобно растянулась на ложе. Она знала, что по другую сторону коридора Конан сделал то же самое, но женское тщеславие рисовало перед ней другую картину — рассерженный киммериец, бормоча проклятия, бродит из угла в угол. Ехидная усмешка тронула ее губы, и она стала засыпать.

Вокруг царствовала ночь. Зеленые кристаллы в залах Ксухотла горели, как глаза древних котов. Ветер завывал между мрачных башен, словно душа грешника. По темным углам зашевелились таинственные бесшумные фигуры.

Внезапно Валерия очнулась от сна. В мглистом зеленом полусвете над ней маячила неясная фигура. Валерия с удивлением поняла, что сон продолжается наяву. А снилось ей, что она лежит на ложе и над ней дрожит и пульсирует огромный черный цветок, такой огромный, что закрывает весь светильник. Его необыкновенный запах проникал во все клетки тела и вызывал томительное и блаженное оцепенение. Она купалась в душистых волнах бездумного счастья, когда что-то коснулось ее лица. Нервы ее были уже настолько одурманены наркотиком, что прикосновение это показалось ей грубым ударом, вернувшим ее к действительности. И тогда она увидела не гигантский цветок, а темнокожую женщину.

Прежде чем та успела убежать, Валерия поймала ее за руку. Неизвестная женщина дралась, как дикая кошка, но, чувствуя силу соперницы, внезапно сдалась. Это была угрюмая Ясала, служанка Таскели.

— Ты что, сто чертей, собиралась со мной сделать? Что у тебя в руке?

Женщина не ответила, но попыталась отшвырнуть какой-то предмет.

Валерия вывернула ей руку, и на пол упал причудливый черный цветок на стебле цвета яшмы, большой, как человеческая голова, но маленький по сравнению с тем, который Валерия видела во сне.

— Черный лотос! — процедила она сквозь зубы. — Цветок, который вызывает глубокий сон. Ты хотела лишить меня сознания, и это удалось бы, не задень ты моей щеки лепестком. Почему ты это сделал? Что все это значит?

Женщина продолжала молчать.

— Говори, или я тебе руку вырву из сустава!

Ясала извивалась от боли, но отрицательно крутила головой.

— Тварь! — Валерия швырнула ее на пол. Страх и воспоминание о разъяренном взгляде Таскелы пробудили в ней животный инстинкт самозащиты. Люди в этом городе были сущими выродками. Но Валерия чувствовала за всем этим тайну более страшную, чем обычное извращение. Волна ужаса и отвращения охватили ее при мысли об этом странном городе. Обитатели его не были нормальными людьми, да и принадлежали ли они к роду человеческому? У всякого во взгляде было безумие — кроме Таскелы. В ее жестоких и загадочных глазах таилось кое-что пострашнее.

Она подняла голову и прислушалась. Залы Ксухотла наполняла тишина воистину мертвого города. Глаза женщины, лежащей на полу, зловеще сверкали. Панический ужас изгнал из суровой души Валерии последние остатки жалости.

— Почему ты хотела отравить меня? — прошипела она, схватив служанку за волосы. — Это Таскела тебя подослала?

Ответа не было. Валерия выругалась и отвесила ей две пощечины. Ясала даже не пикнула.

— Почему ты не кричишь? — спросила разгневанная Валерия. — Боишься, что услышат? Кто услышит? Таскела? Ольмек? Конан?

Ясала не отвечала. Она сжалась в комок и глядела на свою мучительницу убийственным взглядом василиска. Валерия обернулась и сорвала горсть шнурков с ближайшей занавеси.

— Гадина! — процедила она. — Вот я сейчас сорву с тебя все тряпки, привяжу к постели и буду пороть до тех пор, пока не сознаешься, кто тебя послал и зачем!

Ясала даже не пробовала сопротивляться. Потом в комнате слышался только свист туго скрученных шелковых шнурков, врезающихся в нагое тело. Ясала не могла двинуться, тело ее извивалось и вздрогивало в такт ударам. Она только закусила губу, и оттуда потекла струйка крови. И снова — ни звука.

Все новые и новые красные полосы появлялись на смуглой коже Ясалы. Валерия хлестала изо всей мочи, а рука ее была закалена в сражениях. И Ясала не выдержала.

Она тихо застонала и Валерия остановила поднятую руку, сбросив со лба прядь золотых волос.

— Ну что, начнешь, наконец, говорить? — спросила она. — Или я должна потратить на тебя целую ночь?

— Пощади! — прошептала женщина. — Я все скажу!

Валерия разрезала держащие ее веревки и помогла встать, но служанка бессильно опустилась на ложе. Все тело ее дрожало.

— Дай вина! — попросила она умоляющим голосом и показала на золотой кубок. — Дай мне напиться. Я совсем обессилела от боли. Сейчас я все тебе расскажу.

Валерия взяла кубок. Ясала неуверенно встала, чтобы взять его, поднесла к губам и внезапно выплеснула его содержимое прямо в лицо аквилонке. Валерия потеряла равновесие и отшатнулась, тряся головой и протирая кулаками глаза от едкой жидкости. Как в тумане увидела она, что Ясала пробежала через комнату, подняла засов, открыла дверь, обитую медью, и скрылась в глубине коридора. Когда Валерия добежала до двери, то увидела только пустой зал, на другом конце которого зиял черный проход. Оттуда тянуло плесенью и Валерия вздрогнула — то были двери, ведущие в катакомбы.

Ясала нашла спасение среди мертвецов.

Валерия подошла к дверям и увидела каменную лестницу, исчезающую в полном мраке. Ход этот, вероятно, вел прямо в подземелье и не был связан с другими этажами. Дрожь охватила ее при мысли о тысячах мертвых тел в истлевших саваннах, что лежали там, внизу. Она вовсе не собиралась спускаться вслепую по каменным ступеням, а Ясала наверняка ориентировалась там свободно.

Она уже собиралась вернуться к себе, сбитая с толку и разгневанная, когда из темноты донесся отчаянный крик. Голос был женский.

— О, помогите! На помощь! Во имя Сета! Аххх! — голос затих вдали, и Валерии почудилось, что она слышит смех.

Кровь застыла в жилах Валерии. Что случилось с Ясалой там, в непроглядной тьме? Несомненно, это был ее голос. Что за беда поджидала ее там? Внизу спрятался ксаталанец? Но Ольмек уверял, что катакомбы Техултли отделены от остальных крепкой каменной стеной. Да кроме того и смех не принадлежал человеческому существу.

Валерия так заторопилась назад, что даже не закрыла дверь, ведущую

в подземелье. Она добралась до своей комнаты и задвинула засов. Потом обула сапоги, подпоясалась и решила пойти в комнату киммерийца, чтобы уговорить его (если он еще жив) бежать прочь из этого дьявольского города.

Она уже открыла дверь в коридор, когда услышала в зале предсмертные стоны. Потом раздался топот бегущих ног и звон оружия...

5. ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульной на этаже Орла сидели двое воинов. Их небрежные позы вовсе не свидетельствовали о потере бдительности. Штурм бронзовых ворот мог начаться в любую минуту, но в течение многих лет ни одна из сторон не предприняла такой попытки.

— Чужеземцы — сильные союзники, — сказал один из воинов. — Думаю, что завтра Ольмек выступит на врага.

Он говорил, как солдат на настоящей большой войне. В маленьком мире Ксухотла любая горстка вооруженных людей считалась армией, которую предстояло завоевать.

Другой воин задумался.

— Допустим, с их помощью нам удастся покончить с ксоталанцами, — сказал он наконец. — А что потом, Ксатмек?

— Как это что? — удивился Ксатмек. — За каждого из них мы вобьем по гвоздю. Пленников сожжем, обдерем заживо или четвертуем.

— А потом? — настаивал первый. — Потом, когда их не будет? Странно даже как-то — не будет с кем сражаться... Всю свою жизнь я рубился с ксоталанцами и ненавидел их. Чем я буду жить, когда вражда окончится?

Ксатмек пожал плечами. Его собственные мысли никогда не устремлялись так далеко.

Вдруг оба услышали за воротами какой-то шум.

— Ксатмек, к воротам! Я погляжу через Око...

Ксатмек с мечом в руках прильнул к воротам, напрягая слух, а его товарищ глянул в систему зеркал и увидел, что перед воротами полно людей! Мечи они держали в зубах, а уши заткнули пальцами. Один из них, с султаном из перьев, поднес к губам дудочку и, едва стражник закричал тревогу, начал играть.

Голос застыл в горле стражника, когда высокий, необыкновенный писк прошел сквозь металлические двери и коснулся его ушей. Ксатмек упал у ворот, словно парализованный и заслушался. Другой воин, находившийся подальше, почувствовал угрозу в этом дьявольском свисте. Высокие звуки, словно невидимые пальцы, вонзились в его мозг, наполняя его чем-то чужим и безумным. Страшным усилием воли ему удалось сбросить чары и отчаянным голосом прокричать сигнал тревоги.

И тогда музыка изменилась, невыносимый свист стал резать

барабанные перепонки. Ксатмек застонал от нестерпимой муки и последние остатки разума покинули его. Не помня себя, он разомкнул цепь, открыл ворота и с мечом в руках бросился в зал прежде, чем товарищ успел его остановить. Тотчас же в него вонзилась дюжина клинков, и по его окровавленному телу с рычанием пронеслась ватага ксоталанцев. Их торжествующий вопль наполнил залы и комнаты Техултли.

Стражник, оставшийся в живых, выставил копье и только тут сообразил, что враг в крепости! Острье его копья вонзилось в чей-то живот, и больше он ничего не видел — удар сабли раскроил ему голову.

Крики и звон оружия разбудили Конана. Он вскочил с постели, схватил меч и, подбежав к двери, распахнул ее настежь. В коридор он вышел как раз в минуту, когда по нему мчался воин Техултли.

— Ксоталанцы! — рычал он. — Они в крепости!

Конан помчался по коридору и наткнулся на Валерию, которая выскочила из своей комнаты.

— Что творится, черт побери? — закричала она.

— Говорят, прорвались ксоталанцы, — сказал он. — И похоже, что это правда.

Втроем они ворвались в тронный зал и зрелище, которое открылось им, было самым кровавым из кошмаров. Около двадцати мужчин и женщин с изображениями белых черепов на груди схватились с людьми Техултли. Женщины обоих кланов бились наравне с мужчинами и пол в зале был усеян мертвыми телами.

Ольмек в одной набедренной повязке бился у подножия своего трона. Таскела прибежала из своих покоев с мечом в руке.

Ксатмек и его напарник были убиты, и поэтому никто не мог объяснить людям Техултли, каким образом враг ворвался в крепость. И тем более никто не мог объяснить причины этой безумной атаки.

Но потери ксоталанцев были большими, а положение более отчаянным, чем полагали их враги. Союзник, покрытый чешуей, был покалечен, Пылающий Череп убит, а один из четырех воинов перед смертью успел сообщить о двух белокожих рубаках, которые укрепили силы неприятеля. Этого было достаточно, чтобы привести их на грань отчаяния и бросить на врагов.

Люди Техултли оправились уже от первого шока, стоявшего им нескольких жизней и яростно сражались, а стражники с нижних этажей изо всех сил спешили, чтобы вступить в бой.

Это была битва диких собак, слепая, безжалостная, до последнего вздоха. Все больше ярко-красных пятен расцветало на пурпурном полу.

Трещали столы и кресла из слоновой кости, падали бархатные шторы и тоже окрашивались красным, Это была кровавая кульминация кровавого полу века и все это понимали.

Но исход битвы был предрешен. Люди Техултли, и так вдвое превышающие противника числом, воспрянули духом, когда в бой вступили их светлолицые союзники.

А они ворвались, словно ураган, ломающий молодой лес. Сила Конан превышала силу троих тлацитланцев и ни один из них не мог сравниться с ним в быстроте. В этой людской гуще он двигался с быстрой молнией и сеял смерть, словно волк в овечьем стаде, оставляя за собой груды искалеченных тел.

Рядом с ним с улыбкой на губах сражалась Валерия. Она превосходила силой обычного мужчину, но была много опасней. Меч в ее руке казался живым. Если Конан повергал своих противников тяжестью и силой удара, разбивая головы и выпуская кишку, то Валерия сначала ошеломляла врага своим несравненным искусством фехтования. То один, то другой воин падал с пробитой грудью, не успев даже замахнуться. Конан шел по залу подобно буре, сметающей все на пути, Валерия же казалась призраком. Она постоянно меняла позицию, рубила и колола, а все мечи, направленные в нее, пробивали воздух. Враги умирали, слыша ее издевательский смех.

Ни пол, ни состояние участников не имели значения в этом сумасшедшем бою. Еще до того, как Конан и Валерия ворвались в зал, пятеро ксоталанок уже лежали на полу, с перерезанными глотками. Когда кто-нибудь опускался на пол, всегда наготове был кинжал для беззащитной шеи или нога, способная размозжить голову об пол.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны беспощадного сражения. В конце концов на ногах остались только люди Техултли и двое белых наемников. Тупо и мертвенно глядели друг на друга оставшиеся в живых — жалкие обломки целого мира.

Они стояли, широко расставив ноги, их клинки были окрашены и выщерблены, кровь текла по их рукам, когда они смотрели друг на друга над телами изрубленных друзей и врагов. Не было ни сил, ни воздуха в груди, чтобы издать победный клич, поэтому из уст их вырвался только безумный звериный вой, подобный волчьему.

Конан схватил Валерию за руку и прижал к себе.

— У тебя рана на ноге, — буркнул он.

Она глянула вниз и только сейчас почувствовала боль. Должно быть, какой-то умирающий воин успел вонзить кинжал.

— Ты сам в крови, как мясник, — засмеялась она.

— Со мной порядок. Ничего серьезного. А вот твою ногу надо перевязать.

Широкая грудь и борода Ольмека тоже были в крови. Глаза его горели, словно отблески пламени на черной воде.

— Мы победили! — самозабвенно кричал он. — Война окончена! Ксotalанские псы мертвы! О боги, хоть бы один выжил, чтобы содрать с него кожу! Но они и так хороши. Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черном дереве колонны!

— Лучше займись ранеными, — отвернулся от него Конан. — Эй, девочка, дай-ка я погляжу твою ножку.

— Подожди! — она нетерпеливо оттолкнула его руку. Пламя борьбы все еще пылало в ее душе, — Вы уверены, что все лежат здесь? Что если на нас нападут с другой стороны?

— Они не стали бы разделять клан перед таким походом, — сказал Ольмек. Рассудок помаленьку возвращался к нему. Без своих пурпурных одежд он походил скорее на обезьяну-людоеда, чем на князя. — Клянусь головой, мы положили их всех. Их было меньше, чем я думал, и вело их отчаяние. Но каким образом они проникли в крепость?

К ним подошла Таскела, вытирая меч о бедро. В руке она держала предмет, найденный возле трупа вождя Ксotalанцев — того самого с султаном из перьев.

— Флейта безумия, — сказала она. — Один из воинов сказал мне, что Ксатмек открыл врагам ворота и бросился на них — воин сам это видел и даже слышал последние звуки этой мелодии, которая, как он сказал, заледенила его душу. Толькоемек много рассказывал об этой флейте. Жители Ксухотла поклонялись ей, потом она лежала в гробнице какого-то древнего мага. Каким-то образом эти псы нашли ее и сумели использовать.

— Кому-то нужно пойти в Ксotalан и убедиться, что никто не остался в живых, — сказал Конан. — Я и сам пойду, если найдется проводник.

Ольмек посмотрел на остатки своего народа. Выжило лишь два десятка, да и большинство из них лежали на полу. Таскела была единственной, кто вышел из боя без царапины, хотя она сражалась так же яростно, как все.

— Кто пойдет с Конаном в Ксotalан? — спросил Ольмек.

Приковылял Техотл. Рана на его бедре снова открылась, а на груди зияла свежая.

— Я пойду!

— Ты не пойдешь, — возразил Конан. — И ты не пойдешь, Валерия, а то у тебя нога начнет отниматься.

— Тогда пойду я, — сказал воин, перевязывавший себе руку.

— Хорошо, Янат. Ступай с киммерийцем. И ты тоже, Топал, — Ольмек указал на еще одного воина, который был лишь слегка оглушен. — Но сперва помогите поднять раненых на постели. Там их обиходят.

Все было сделано быстро. Когда склонились над женщиной с разбитой головой, борода Ольмека коснулась уха Топала. Конан заметил это, но виду не подал. Через минуту все трое покинули зал.

Проводники со всеми предосторожностями провели Конан через зал за воротами и через анфиладу комнат, залитых зеленым светом. Никого не встретили они, не услышали ни малейшего шума. Когда они подошли к Большому Залу, что пересекал город с севера на юг, то стали еще более осторожными: ведь они находились на вражеской земле. Но и следующие залы были пусты — до самых бронзовых ворот, похожих на Ворота Орла в Техултли. Ворота отворились неожиданно легко.

Со страхом смотрели воины Техултли на зеленый зал. Вот уже пятьдесят лет никто из их племени не попадал сюда иначе как пленник, обреченный на мучительную смерть. Не было горшней участи для жителя западной крепости, чем попасть в Ксotalан. Кошмар плена преследовал их с самого детства. Для Яната и Топала эти ворота были Вратами Ада.

Конан оттолкнул спутников и вступил в Ксotalан.

С опаской они двинулись за ним, поминутно озираясь. Но тишину нарушало лишь их собственное дыхание.

За воротами была такая же караульная, и ход из нее вел в такой же тронный зал, как у Ольмека. Конан вошел туда, глянул на ковры, диваны и шторы и стал внимательно прислушиваться. Ни звука. Комната была пуста. Он уже не верил, что в Ксухотле остался хоть один живой ксotalанец.

— Пошли, — сказал он и вошел в тронный зал.

Но далеко не ушел, потому что понял, что за ним следует один Янат. Конан обернулся и увидел, что Топал застыл в ужасе и вытянул руки, словно защищаясь от неведомой опасности.

— В чем дело?

Тут он и сам увидел, в чем дело, и мурашки пробежали по его могучей спине.

Чудовищная голова поднималась над диваном, змеинная голова, большая, как у крокодила. Над нижней челюстью нависали огромные зубы, но было в этой голове что-то беспомощное. Конан глянул за диван. Там лежала змея — огромнее ее он не встречал в своих странствиях... От нее пахло тлением и холодом земных глубин. На горле твари зияла огромная рана.

— Это Ползун! — прошептал Янат.

— Та самая скотина, которую я рубанул на лестнице, — сказал Конан. — Он гнал нас до Ворот Орла и у него еще хватило сил вернуться сюда, чтобы сдохнуть. Как ксotalанцы с ним управлялись?

— Они вызывали его из черных туннелей под катакомбами. Им ведомы были тайны, закрытые для нас.

— Ну, этот сдох, а если бы у них были другие, они непременно приволокли их с собой в Техултли. Вперед!

Они шли за ним по пятам.

— Если никого не найдем на этом этаже, спустимся вниз, — рассуждал Конан. — И перероем Ксotalан от подвала до чердака. Черт, что это такое?

Они вошли в тронный зал. Там был такой же яшмовый постамент и трон из слоновой кости. Не было только черной колонны... Здесь признавали другой символ вражды.

На стене за постаментом возвышались ряды каменных полок, и с этих полок на пришельцев смотрели остекленевшими глазами сотни прекрасно сохранившихся человеческих голов.

Топа бормотал ругательства, Янат же стоял недвижно и в глазах его снова появилось безумие. Конан поморщился — он знал, что разум людей племени Тлацитлан постоянно висит на волоске.

Вдруг Янат вытянул в сторону страшных трофеев дрожащий палец.

— Это голова моего брата! — зарычал он. — А вот младший брат моего отца! А за ним старший сын моей сестры!

Внезапно он заплакал. Глаза его были сухи, но из груди вырывались хриплые рыдания. Потом плач перешел в тонкий пискливый смех и наконец в невыносимый визг. Янат сошел с ума.

Конан положил руку ему на плечо, и это прикосновение словно бы выпустило безумие на волю. Янат завыл и крутнулся на месте, пытаясь достать Конана мечом. Киммериец парировал удар, а Топал попытался схватить Яната за руку. Безумец выскользнул из его рук и вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном опустился на пол. Янат закружился в сумасшедшем танце, потом бросился к полкам и стал рубить их, скрежеща зубами.

Конан подскочил к нему сзади, желая обезоружить, но безумец обернулся и с воем бросился на него. Видя, что с дураком не справиться, Конан уступил ему дорогу и сзади нанес воину удар, перерубивший ключицу и грудь. Несчастный пал мертвым возле своей умирающей жертвы.

Конан склонился над Топалом и увидел, что тот делает последние вздохи. Не стоило и пытаться остановить кровь, хлеставшую из страшной раны.

— Плохи твои дела, Топал, — буркнул Конан. — Не надо ли передать чего-нибудь твоим, а?

— Нагнись пониже, — просипел Топал, и Конан подчинился, но... секундой позже схватил его за руку: кинжал был направлен ему прямо в грудь.

— Клянусь Кромом! — сказал Конан. — И ты спятил?

— Так приказал Ольмек. — прошептал раненый. — Почему — не знаю. Когда мы укладывали раненых в постели, он шепнул мне, чтобы я убил тебя во время возвращения в Техултли...

И умер с именем своего клана на устах.

Конан глядел на него озадаченно. Или они все тут с ума посходили? Он пожал плечами и вышел за бронзовые ворота, оставив воинов Техултли под охраной сотен голов их сородичей.

На обратном пути ему не требовался проводник. Инстинкт вел его безошибочно. Но двигался он осторожно, внимательно осматривая любой темный угол. Не духов убитых ксotalанцев опасался варвар, а своих недавних союзников.

Он миновал Большой зал и перешел в комнаты на другой стороне, когда услышал что впереди кто-то ползет, тяжко дыша и постанывая. Потом он увидел человека — тот действительно полз по пурпурным плитам, оставляя за собой кровавый след. Это был Техотл, и глаза его уже застилала мгла.

— Конан! — окликнул раненый. — Конан! Ольмек похитил девушки с золотыми волосами!

— Вот почему он приказал Топалу заколоть меня, — сообразил Конан, становясь на колени возле умирающего. — Этот Ольмек не такой уж сумасшедший, как кажется с первого взгляда!

Блуждающие пальцы Техотла впились в руку Конан. Он прожил жизнь в холодном, неприветливом, страшном мире, и благодарное чувство к пришельцам разбудило в нем искру настоящей человечности, которой так не хватало его сородичам, жившим лишь ненавистью и жестокостью.

— Я хотел воспрепятствовать этому... — пузырьки красной пены лопались на губах Техотла. — Но он ударил меня... Думал, что убил... Но я уполз... О Сет, я долго полз в собственной крови! Берегись, Конан! Ольмек может заманить тебя в ловушку! Убей его! Это зверь! Бери Валерию и беги! Леса не бойся. Ольмек и Таскела лгали, пугая драконами. Они давно

истребили друг друга, остался только самый сильный. А если ты его убил, то больше бояться нечего. Ольмек почитал его за бога, приносил ему человеческие жертвы. Старики и детей связывал и сбрасывал со стен. Торопись! Ольмек потащил Валери...

Техотл умер прежде, чем голова его коснулась пола.

Забыв об осторожности, Конан быстро направился в Техултли. На ходу он пересчитывал бывших союзников. Двадцать один, считая Ольмека остался после боя в тронном зале. С тех пор умерли трое... Что ж, Конан был наготове сейчас в одиночку перебить весь клан.

Но инстинкт был сильнее и велел взять себя в руки. Он вспомнил предостережение Техотла насчет ловушки. Очень возможно, что князь позаботился об этом на случай, если Топал не выполнит приказа. А коль скоро так, то киммериец наверняка будет возвращаться той же дорогой...

Конан поглядел в окно, за которым мерцали звезды. Они еще не начали бледнеть. Сколько событий за одну ночь!

Он свернулся с дороги и по винтовой лестнице спустился этажом ниже. Он не знал, где находятся нужные ему двери, но был уверен, что найдет. Зато он понятия не имел, как справиться с засовами — наверняка ворота будут закрыты хотя бы в силу полувековой привычки.

Сжимая меч, он бесшумно двигался по темным и освещенным залам. Техултли был уже близко, когда варвара встревожил некий звук. Он без труда узнал его — так пробует кричать человек, у которого заткнут рот. Источник звука был где-то слева. В этой мертвой тишине любой писк разносился далеко.

Он пошел на повторяющиеся крики и увидел сквозь приоткрытую дверь поразительное зрелище. На полу комнаты была установлена железная конструкция, напоминающая пыточное колесо. На колесе был распят человек великанического сложения, голова его лежала на подставке, утыканной стальными шипами. Их острия были окрашены кровью из проколотой кожи. На голове было что-то вроде уздечки — впрочем, ее кожаные ремни не защищали от шипов. Эта уздечка была тонкой цепью соединена с устройством, поддерживающим огромный железный шар, висящий над волосатой грудью пленника. Пока несчастный лежал недвижно, шар висел на месте. Но стоило ему от нестерпимой боли приподнять голову, шар падал на несколько дюймов. В конце концов мышцы шеи откажутся поддерживать голову в таком неестественном положении, а боль от шипов станет окончательно невыносимой... Тогда шар раздавит его медленно и неотвратимо. Рот жертвы был заткнут кляпом и большие черные глаза дико уставились на человека, стоящего в дверях в

полном недоумении. Потому что на колесе был распят Ольмек, князь Техултли.

6. ГЛАЗА ТАСКЕЛЫ

— Значит, для того, чтобы перевязать ногу, ты тащила меня в эту дальнюю комнату? — спросила Валерия. — Что, нельзя было это сделать в тронном зале?

Она сидела на ложе, вытянув перед собой раненую ногу, которую служанка только что перевязала полоской шелка. Возле Валерии лежал ее окровавленный меч.

Служанка выполняла свою работу чисто и тщательно, но аквилонке не нравились ни липкое прикосновение ее пальцев, ни выражение глаз.

— Других раненых также перенесли в другие комнаты, — выговор был мягкий, как у всех женщин Техултли. Но два часа назад Валерия видела, как эта же самая женщина пробила кинжалом сердце своей противницы и выщарапала глаза раненому ксоталанцу.

— Тела убитых будут снесены в катакомбы, — добавила она. — Иначе души умерших могут поселиться в комнатах.

— Ты веришь в это? — спросила Валерия.

— Я знаю, что дух Толькемека скитаются по подземельям. Я сама видела его, когда молилась возле гробницы древней королевы. Это был старец с развеивающейся белой бородой и глаза его светились в темноте. Я узнала его, это был Толькемек...

Голос ее снизился до шепота:

— Ольмек смеется над этим, но я-то знаю точно! Говорят, что кости покойников обгладывают крысы. Нет, не крысы — это делают духи...

Тень упала на ложе, и женщина замолчала. Валерия проследила за ее взглядом и увидела Ольмека, который глядел на нее. Он уже смыл кровь с рук, лица и бороды, но одежды не сменил. От всей его фигуры веяло звериной силой.

Князь выразительно глянул на служанку, и она тотчас бесшумно выскользнула из комнаты. На прощание она одарила Валерию циничной понимающей улыбкой.

— Девочка свое дело знает, — сказал князь, подходя к ложу и склоняясь над раненой ногой. — Дай-ка я посмотрю...

С необычайной для своей комплекции проворностью он схватил меч и забросил его на середину комнаты. Потом обхватил Валерию своими могучими руками.

Но, как ни быстр он был, Валерия успела вынуть кинжал и направить

его в горло Ольмека. На свое счастье он сумел перехватить ее руку. Она отбивалась кулаками, коленями, зубами и ногтями, изо всех сил своего крепкого тела, со всем своим боевым искусством, постигнутым за годы войн и странствий на суше и на море. Но все это было бессильно против его грубой мощи. Кинжал она сразу же выронила и внезапно поняла, что совершенно беспомощна. В первый раз в жизни она испугалась мужчины. На боль он, казалось, не реагировал; лишь однажды, когда ее зубы вонзились ему в кисть, князь ударил Валерию по лицу открытой ладонью.

Минуту спустя он покинул комнату, неся девушку на руках. Она уже не сопротивлялась, но глаза ее горели жаждой мести за оскорбление. Она и не кричала, потому что знала, что Конана поблизости нет и никто из Техултли не пойдет против своего владыки. Но и сам Ольмек, заметила она, постоянно озирался и прислушивался, словно бы опасаясь погони. И направлялся он не в тронный зал, а куда-то вдоль по коридору. Она поняла, что князь чего-то боится, и закричала во все горло.

Ольмек наградил ее пощечиной и ускорил шаг.

Но эхо далеко разнесло ее крик и Валерия сквозь слезы увидела, что вслед за ними ковыляет Техотл.

Ольмек с рычанием обернулся и обхватил девушку одной рукой, как ребенка.

— Ольмек! — закричал Техотл. — Неужели ты неблагодарный пес, коли решил на такое? Это женщина Конана! Она помогла нам победить Ксоталанцеви...

Не говоря ни слова, Ольмек размахнулся свободной рукой и воин без памяти упал к его ногам. Князь нагнулся, поднял меч Техотла и вонзил бедняге в грудь, после чего продолжил свой путь. Он не видел, что из-за шторы за ним следят женские глаза, что Техотл поднялся на ноги, шепча имя Конана.

Зайдя за поворот коридора, Ольмек побежал по винтовой лестнице из слоновой кости. Они миновали несколько комнат и очутились в конце концов возле бронзовых ворот, очень похожих на Ворота Орла на верхнем этаже.

— Это один из ворот, ведущих в Техултли. Впервые за пятьдесят лет их никто не охраняет, ибо Ксоталан перестал существовать!

— Благодаря Конану и мне, скотина! — крикнула Валерия, содрогаясь от гнева и стыда. — Лживый пес! Конан оторвет тебе голову!

Ольмек даже не снизошел до того, чтобы сказать, что Конан зарезан по его приказу — настолько он был уверен в себе.

— Забудь о Конане, — грубо сказал он. — Ольмек — господин

Ксухотла. Ксotalана больше нет. Война окончена. Теперь до конца жизни можно пить вино и наслаждаться любовью. Сначала выпьем!

Он опустился на сиденье из слоновой кости и силой усадил ее себе на колени. Не обращая внимания на ее проклятия, свободной рукой он потянулся к столу.

— Пей! — приказал он, поднося кубок к ее губам. Валерия мотала головой. Вино плескалось во все стороны, текло по ее обнаженной груди.

— Гостье не по вкусу твое вино, Ольмек, — раздался холодный саркастический голос.

Князь замер и в его глазах появился испуг. Он медленно обернулся и увидел Таскелу.

Гордая душа Валерии подверглась в эту ночь тяжкому испытанию. Совсем недавно она узнала страх перед мужчиной. Сейчас она поняла, что боится этой женщины еще сильнее.

Ольмек был неподвижен, только лицо его стало серым. Таскела вынула из-за спины руку — в ней был золотой флакон.

— Боюсь, что Валерии не понравится твое вино, Ольмек, — сказала княгиня. — Поэтому я принесла свое. То самое, что было со мной на озере Зуад — ты понял, Ольмек?

Лоб гиганта мгновенно вспотел. Мышцы его ослабли, и Валерия без труда освободилась. Разум приказывал ей бежать из комнаты, но некая сила заставила остаться и наблюдать за всем, что будет происходить.

Таскела подошла к князю, соблазнительно качая бедрами. Голос ее был певуч и нежен, но глаза горели прежним огнем. Тонкие пальцы гладили бороду мужчины.

— Ты любишь только себя, Ольмек, — нараспев сказала она. — Ты хотел оставить нашу прекрасную гостью только для себя, хотя знал, что она моя. И это еще не главная твоя вина, Ольмек.

Казалось, прекрасная маска спала с ее лица: глаза дико блеснули, лицо исказилось гримасой, пальцы, впившись в бороду, с силой вырвали добрую пригоршню волос. Но эта демонстрация нечеловеческой силы была еще не самым страшным.

Ольмек вскочил и зарычал как медведь, колотя кулаками по столу:

— Шлюха! Ведьма! Дьяволица! Техултли следовало убить тебя еще пятьдесят лет назад! Сгинь! Слишком долго я тебя терпел. Белая девушка моя! Убирайся отсюда, не то зарежу!

Княгиня расхохоталась и швырнула ему в лицо окровавленный клок бороды. Смех ее был безжалостен, словно звон стали.

— Когда-то ты говорил по-другому, Ольмек. Когда ты был молод, я

слышала от тебя признания в любви. Да, много лет назад ты был моим возлюбленным и спал в моих объятиях под цветком черного лотоса. И с тех пор в моих руках цепь, и на этой цепи — ты, раб! Ты знаешь, что не в состоянии противиться мне. Ты знаешь, что мне достаточно поглядеть тебе в глаза тем взглядом, которому меня обучил стигийский жрец, и вся твоя воля улетучится. Помнишь ту ночь под черным лотосом? Цветок раскачивался, хотя колыхал его не земной ветер. Чувствуешь снова тот аромат, что окутал тебя и сделал моим рабом? Бороться со мной бесполезно. Ты до сих пор в моей власти, как в ту ночь, Ольмек, князь Ксухотла, и пребудешь в моей власти до конца жизни!

Голос ее снизился до шепота и походил сейчас на журчание родника во мраке. Она склонилась над князем, развела пальцы и коснулась его могучей груди. Глаза Ольмека затуманились, руки бессильно обвисли.

С безжалостной улыбкой Таскела поднесла золотой флакон к губам князя.

— Пей!

Он, не раздумывая, подчинился. И сейчас же туман в его глазах сменился пониманием и ужасом. Он открыл рот, но не издал ни звука. Спустя минуту он упал.

Это вывело Валерию из оцепенения. Она бросилась к двери, но Таскела опередила ее воистину тигриным прыжком. Валерия ударила ее кулаком — такой удар свалил бы с ног любого мужчину. Но Таскела сумела плавно уклониться и схватила ее за руку. Потом она перехватила и левую руку аквилонки и легко связала ее запястья шелковым шнурком.

И тогда Валерия поняла, что ее стыд из-за поражения в схватке с Ольмеком ничто в сравнении с теперешним. Женщин она презирала — и вот нашлась же такая, которая делает с ней, что хочет! Она не сопротивлялась, когда Таскела усадила ее на кресло и привязала к нему, протянув шнур между колен.

Равнодушно переступив через тело князя, Таскела подошла к бронзовым воротам и открыла их. За створками был коридор.

— Дорога эта, — в первый раз обратилась она к Валерии, — ведет в комнату, которая служила когда-то камерой пыток. Когда мы отступали в западную часть города, то большинство инструментов забрали с собой, но одно устройство пришлось оставить — оно было слишком тяжелым и громоздким. А сейчас, думаю, оно пригодится как нельзя лучше.

Ольмек все понял и в глазах его блеснул ужас. Таскела приблизилась и схватила его за волосы:

— Ты какое-то время будешь неподвижен. Но ты будешь слышать,

думать и чувствовать — о да, ты все будешь чувствовать.

И пошла к дверям, легко увлекая за собой могучее тяжкое тело — у Валерии чуть глаза на лоб не вылезли. Княгиня скрылась в коридоре и через некоторое время послышался лязг железа.

Валерия пробормотала проклятье и попыталась освободиться. Тщетно — шнур был слишком прочным.

Таскела вернулась одна, а из камеры пыток донесся придушенный стон. Двери она притворила, а засов не задвинула — привычки были не свойственны ей, как и другие человеческие черты.

Валерия в оцепенении глядела на женщину, в чьих руках — она прекрасно это понимала — была ее судьба.

Таскела поглядела ей в глаза.

— Великая честь ожидает тебя, — сказала она. — Ты избрана, чтобы вернуть Таскеле юность. Ты удивлена? Да, я знаю, что выгляжу молодо, но по жилам моим распространяется леденящий холод старости — я пережила это уже тысячу раз. Я стара, я так стара, что не помню своего детства. Но некогда я была юной девушкой и меня любил жрец из Стигии. Он подарил мне секрет вечной молодости и бессмертия. Потом он умер — должно быть, от яда. Я жила в своем дворце над озером Зуад, и годы пролетали мимо меня. Потом меня возжелал король Стигии и народ поднял бунт — вот мы и попали в эти края. Ольмек называет меня княгиней, но во мне нет царственной крови. Я выше, чем королева — я Таскела, и твоя цветущая молодость вернет мне мою!

У Валерии язык отнялся. За всем этим таилась какая-то жуткая загадка

— самая страшная из всех, с которыми она сталкивалась до сих пор.

Колдунья развязала аквилонку и подняла ее на ноги. Но не страх перед силой, заключенной в руках княгини, превратил Валерию в безвольную куклу.

Это сделали горящие, колдовские, зловещие глаза Таскелы.

7. ТОТ, КТО ПРИХОДИТ ИЗ ТЬМЫ

— Чтобы я кушата вот так увидел!

Конан с любопытством глядел на человека, привязанного к железному колесу.

— Какого черта ты делаешь на этой штуке?

Мычание было ему ответом. Тогда Конан вырвал кляп изо рта узника и тот закричал от страха, потому что железный шар упал вниз и почти коснулся его широкой груди.

— Осторожней, во имя Сета! — простонал Ольмек.

— С чего бы это? — спросил Конан. — Или ты думаешь, что твоя судьба меня интересует? Было бы у меня время, я бы посидел и посмотрел, как этот кусок железа выдавит из тебя кишечки. Но я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — просил Ольмек. — Я все скажу!

— Сперва скажи.

— Ни за что! — князь стиснул массивные челюсти.

— Хорошо, — сказал Конан и уселся на ближайшую скамью. — Я сам ее найду после того, как тебя придавит. Думаю, что дело пойдет быстрее, если я мечом прочищу тебе ухо, — добавил он и протянул оружие к голове Ольмека.

— Подожди! — слова посыпались из князя как зерно из мешка. — Таскела похитила ее у меня. Я всегда был только игрушкой в ее руках...

— Таскела? — Конан сплюнул. — Эта жалкая...

— Нет-нет! — прохрипел Ольмек. — Дело хуже, чем ты думаешь. Таскела очень старая — ей много сотен лет. Она продлевает свою жизнь и возвращает молодость, принося в жертву красивых молодых женщин. Вот почему их так мало в нашем роду. Она вытянет из Валерии жизненную силу и вновь расцветает...

— Ворота заперты? — спросил Конан, пробуя большим пальцем остроту меча.

— Да! Но я знаю, как пройти в Техултли. Эта дорога известна лишь мне и Таскеле, но она думает, что я беспомощен, а тебя нет в живых. Освободи меня, и, клянусь, я помогу тебе освободить Валерию. Без моей помощи тебе не справиться, даже если бы ты пыткой вырвал у меня все секреты, то не сумел бы ими воспользоваться. Освободи меня! Мы подберемся к Таскеле и убьем ее раньше, чем она успеет напустить свои

чары. Довольно будет и ножа в спину. Я бы сам давно это сделал, но боялся, что без ее помощи ксоталанцы нас одолеют. И ей нужна была моя помощь, потому что она и позволила мне жить. Теперь один из нас должен умереть. Клянусь, расправимся с ведьмой, и вы с Валерией уйдете от нас с миром. Народ подчинится мне, когда не станет Таскелы.

Конан нагнулся и перерезал путы, удерживающие князя. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и встал на ноги, мотая головой, словно бык и осыпая всех проклятиями. Оба они, встав плечом к плечу, были олицетворением мужественности. Ольмек был так же высок, как Конан, и даже более массивен, но было в нем все же что-то звериное, отталкивающее и киммериец рядом с ним выглядел куда как благородно.

Конана можно было причислить к цвету человечества, Ольмека — к цвету его первобытной побочной ветви.

— Веди! — приказал Конан. — И все время держись впереди меня: веры тебе не больше чем быку, которого тянут за хвост.

И Ольмек пошел, расчесывая пятерней свою спутанную бороду. Он был уверен, что Таскела закрыла ворота, поэтому и направился в одну из комнат на границе Техултли.

— Тайне этой полвека, — говорил он на ходу. — Наш клан не знал ее, а ксоталанцы тем более. Этот тайный ход сделал сам Техултли, а рабов, помогавших ему, убил. Он опасался, что любовь Таскелы легко может перейти в ненависть и она однажды закроет перед ним ворота. Но Таскела открыла тайный ход и заперла его, когда вождь бежал после неудачной вылазки. Ксоталанцы схватили его и казнили. А я узнал об этом, потому что следил за ней.

Он надавил золотое украшение на стене и одна из плит упала, открыв идущие вверх ступени.

— Лестница эта устроена прямо в стене, — говорил Ольмек, — Она ведет в башню на крыше, а оттуда винтовые лестницы спускаются в разные залы. Поспешим!

— Только после тебя, дружище! — ответил Конан весело и взмахнул мечом. Ольмек пожал плечами и стал подниматься, Конан отстал на полшага.

Они все поднимались, и киммериец понял — уровень верхнего этажа пройден. Оба оказались в цилиндрической башне. Через большие окна были видны другие купола и башенки Ксухотла.

Ольмек не тратил время на пейзаж за окнами, начал спускаться по одной из лестниц, которая через несколько шагов пересекалась узким длинным коридором. Коридор тоже кончался идущими вниз ступенями.

Князь остановился.

Откуда-то слышался приглушенный женский стон, полный страха, гнева и стыда. Конан узнал голос Валерии.

Как же велика должна была быть опасность, если даже отважная Валерия заголосила? Конан позабыл про Ольмека, обогнал его и помчался вниз. Но инстинкт приказал ему обернуться как раз в тот момент, когда Ольмек поднял свой громадный кулак. Удар должен был прийтись в основание черепа, но задел только шею. У обычного человека наверняка переломился бы позвоночник, но Конан только крякнул. Он уронил меч, бесполезный на таком расстоянии, схватил Ольмека за руку и дернул на себя. Они покатились по лестнице и еще не остановились, когда железные пальцы киммерийца нашли бычью шею врага и сомкнулись на ней.

Шея и плечо варвара онемели от удара, но это не сказалось на его боевых качествах. Он вцепился в шею Ольмека, как лев в загривок носорога и не обращал внимания на удары о ступеньки. Они с маxу врезались в дверь из слоновой кости и разнесли ее на кусочки. Ольмек уже был к этому времени мертв — Конан свернул ему шею.

Киммериец поднялся, стряхнул с себя обломки двери и протер глаза.

Он находился в тронном зале. Кроме него, там было десятка полтора людей, но первой он увидел Валерию. Причудливый черный жертвенник стоял перед яшмовым постаментом, вокруг него были расставлены семь свечей черного воска в золотых подсвечниках. Кольца густого зеленого дыма поднимались к потолку.

На черном камне жертвенника белело обнаженное тело Валерии. Она не была связана и лежала, запрокинув руки за голову. Сильный молодой воин держал ее руки в изголовье жертвенника. С противоположной стороны за ноги жертвы ухватилась женщина. Валерия не могла даже пошевелиться.

Одннадцать остальных из клана Техултли стояли на коленях, образовав полукруг и жадными глазами глядели на происходящее. На троне из слоновой кости развалилась Таскела. Из ваз, наполненных курящимися благовониями, струился дым.

На грохот развалившейся двери никто не обратил внимания. Коленопреклоненные мужчины и женщины посмотрели без всякого выражения на останки своего князя и на его убийцу, и снова уставились на жертвенник.

Таскела испытывающе глянула на киммерийца и снова раскинулась на троне, издевательски хохоча.

— Ведунья! — в глазах Конана появилась жажда убийства. Он

двинулся к ней и кулаки его превратились в кувалды. При первом же шаге в его ногу вонзились стальные зубья. Только крепкие мышцы икр спасли кость. И он увидел углубления в полу где поджидали его другие капканы.

— Глупец! — фыркнула Таскела. — Неужели же я не предусмотрела бы твоего возвращения? Возле всякой двери тебя ждала такая же ловушка. Стой и смотри, какая судьба предназначена твоей прекрасной подруге. Потом зайдемся тобой.

Конан машинально потянулся к мечу, но нашел лишь пустые ножны. Меч он обронил там, на лестнице, тесак еще раньше, в пасти дракона. Боль от стальных зубьев была и в половину не так сильна, как сознание беспомощности. Мечом он бы отрубил себе ногу и дополз до Таскелы. Валерия глядела на него с безмолвной мольбой, и гнев заполонил душу варвара.

Он опустился на колено и попытался разжать страшные челюсти. Кровь брызнула из-под ногтей, но пружина не уступала ни на йоту.

Таскела не обращала внимания на старания киммерийца. Обведя взглядом своих подданных, она спросила:

— Где Ксатмек, Янат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, княгиня, — ответил один из воинов. — Они вместе со всеми переносили туда тела и не вернулись. Наверное, их похитил дух Толькемека.

— Замолчи, болван! Это всего лишь легенды!

Она сошла с возвышения, поигрывая узким стилетом с золотой рукоятью. Глаза ее горели пламенем, неведомым и преисподней.

— Твоя жизнь вернет мне молодость, о дева с белой кожей. Я коснусь своими губами твоих и медленно — о, как медленно! — буду вонзать острие в твое сердце. И жизнь твоя, покидая холодеющее тело, перейдет в меня и сделает меня юной и бессмертной!

Не торопясь, как удав перед кроликом, она стала склоняться над жертвой. Недвижная девушка с ужасом смотрела, как приближаются к ней окутанные клубами дыма глаза, подобные двум черным лунам.

Коленопреклоненные люди взялись за руки и затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Единственным звуком был хрип Конана, все еще боровшегося с капканом.

Все глаза были устремлены на жертвенный и тело, распростертое на нем. Казалось, даже гром не властен был нарушить этот обряд. А нарушил его негромкий голос — негромкий, но такой, от которого волосы встают дыбом.

Все обернулись... Обернулись и увидели.

Кошмарная фигура стояла в двери слева от постамента. Это был старик со спутанными белыми волосами и косматой седой бородой. Лохмотья едва прикрывали его тощее тело, оставляя открытыми руки иного неестественной формы. Да и кожа его не походила на человеческую — она была чешуйчатой, словно ее обладатель долгое время жил в условиях, противоположных тем, в которых существуют люди. И совсем уже не было ничего человеческого в глазах — то были большие фосфоресцирующие круги, не выражавшие никаких чувств.

Вместо членораздельных слов из высохшего рта раздавался только пронзительный писк.

— Толькемек! — прошептала Таскела, а остальные замерли в суеверном страхе. — Значит, это не сказка! Клянусь Сетом, он двенадцать лет прожил во мраке! Двенадцать лет среди скелетов! Представляю, чем он питался, сумасшедший калека, погруженный в вечную ночь! Теперь понятно, почему трое наших не вернулись из катакомб и не вернутся никогда. Но почему он так долго выжидал? Что он искал в подземельях? Какое-нибудь таинственное оружие? Нашел ли он его?

Единственным ответом Толькемека был все тот же отвратительный писк. Одним длинным прыжком он миновал все капканы и очутился в зале. Было ли это случайностью или он помнил обо всех ловушках Ксухотла? Он не был безумным в обычном человеческом смысле. Он слишком долго жил один, чтобы оставаться человеком. И только одно соединяло его с людьми — ненависть. Она помогла ему выжить в черных коридорах.

— Да, он искал и нашел! — Таскела отступила на шаг. — А, ты все помнишь? После стольких лет во тьме?

В тощей руке Толькемека дрожала причудливая палка яшмового оттенка, заканчивающаяся светящейся шишкой вроде плода граната. Он вытянул палку перед собой, словно копье, и княгиня отскочила в сторону, а из шишквы вырвался алый луч. Он не коснулся Таскелы, зато угодил между лопаток той, что держала за ноги Валерию.

Раздался громкий щелчок, огненный луч вышел из груди несчастной и рассыпался голубыми искрами на камне жертвенника. Женщина упала в бок и стала корчиться и усыхать, как мумия.

Воин, удерживающий руки Валерии, погиб вторым. Она сползла с жертвенника и на четвереньках побежала к стене. Воин тоже пытался убежать, но Толькемек с необыкновенным для его возраста проворством переменил позицию и бедняга оказался между ним и жертвенником. Снова брызнул огненный луч, и человек рухнул на пол, и голубые искры посыпались из камня.

Потом началась бойня. Крича от ужаса, люди метались по залу, натыкались друг на друга, спотыкались и падали. А посреди этого хаоса плясал и кружился Толькемек, сеющий смерть. Никому не удалось бежать через двери, потому что они были окованы металлом и это, видимо, было необходимым условием действия дьявольской силы, вылетавшей из «волшебной палочки», которой размахивал старик.

Те, кто оказывался между ним, дверями или жертвенником, гибли тотчас же. Толькемек не выбирал себе жертв, махал своей палкой туда и сюда и его писк был громче всех воплей. Один из воинов в отчаянии замахнулся на старика кинжалом, но так и не успел нанести удар. Остальные даже не помышляли о бегстве или обороне.

И вот пали все люди Техултли, кроме Таскелы. Княгиня подбежала к Конану и Валерии, которая спряталась за его широкую спину, и, наклонившись, коснулась пола в известной ей точке. Стальные челюсти тотчас же разжались, освободив окровавленную ногу, и скрылись в углублении.

— Убей его, если сможешь! — она вложила в руку варвара тяжелый кинжал. — Моя магия здесь бессильна!

Конан не чувствовал боли. Толькемек старался подгадать, чтобы киммериец оказался между ним и дверью или жертвенником, но варвар всякий раз ускользал, выбирая время для удара. Женщины смотрели, затаив дыхание.

Толькемек уже не прыгал, понимая, что перед ним противник более грозный, чем те, что умирали с воплями. Первобытный блеск варварских глаз был не менее страшен, чем фосфорическое свечение старца. Они кружили и кружили; один менял позицию, и другой немедленно делал то же самое, словно их соединяла невидимая нить. Но с каждым разом Конан подходил все ближе к противнику. Он уже приготовился к прыжку, но тут раздался предостерегающий крик Валерии. На какое-то мгновение киммериец оказался между старцем и дверью. Огненный луч обжег бок Конана, который успел отскочить в сторону и метнуть нож. Старый Толькемек упал на плиты, рукоятка ножа дрожала в его груди.

Таскела прыгнула — но не к варвару, а к Палке, что валялась на полу и пульсировала, как живое сердце. И Валерия прыгнула, вооруженная отнятым у мертвеца кинжалом. Лезвие, направленное крепкой рукой аквилонки, вонзилось в спину княгини Техултли и вышло из груди. Таскела вскрикнула и умерла.

Конан и Валерия стояли над безжизненным телом и смотрели друг на друга.

— Вот теперь война действительно кончилась! — заметил Конан. — Ну и ночка выдалась. Где эти ребята хранят жратву? Я голоден, как волк.

— Нужно тебе ногу перевязать, — Валерия оторвала кусок шелковой шторы, обернула его вокруг пояса и нащипала корпии; потом тщательно обработала рану Конана и крепко забинтовала.

— Ладно, поголодаем, — сказал он. — Идем отсюда. За стенами этого дьявольского города начинается настоящий мир. Хватит с нас Ксухотла. Эти выродки перебили друг друга — ну и прекрасно. Не нужны мне их проклятые сокровища. Они еще, чего доброго, заколдованные.

— Да, в мире еще много честной добычи для тебя и для меня, — сказала Валерия и потянулась всем своим прекрасным телом.

Давешний блеск снова появился в глазах Конана, и на этот раз аквилонка уже не хваталась за меч.

— Далека дорога до побережья, — ласково сказала она, прервав поцелуй.

— Неужели? — рассмеялся он. — Разве есть для нас с тобой преграды? Да в стигийских портах еще не откроется торговый сезон, как мы уже будем стоять на палубе. И тогда мы покажем всему миру, что такое настоящий грабеж!